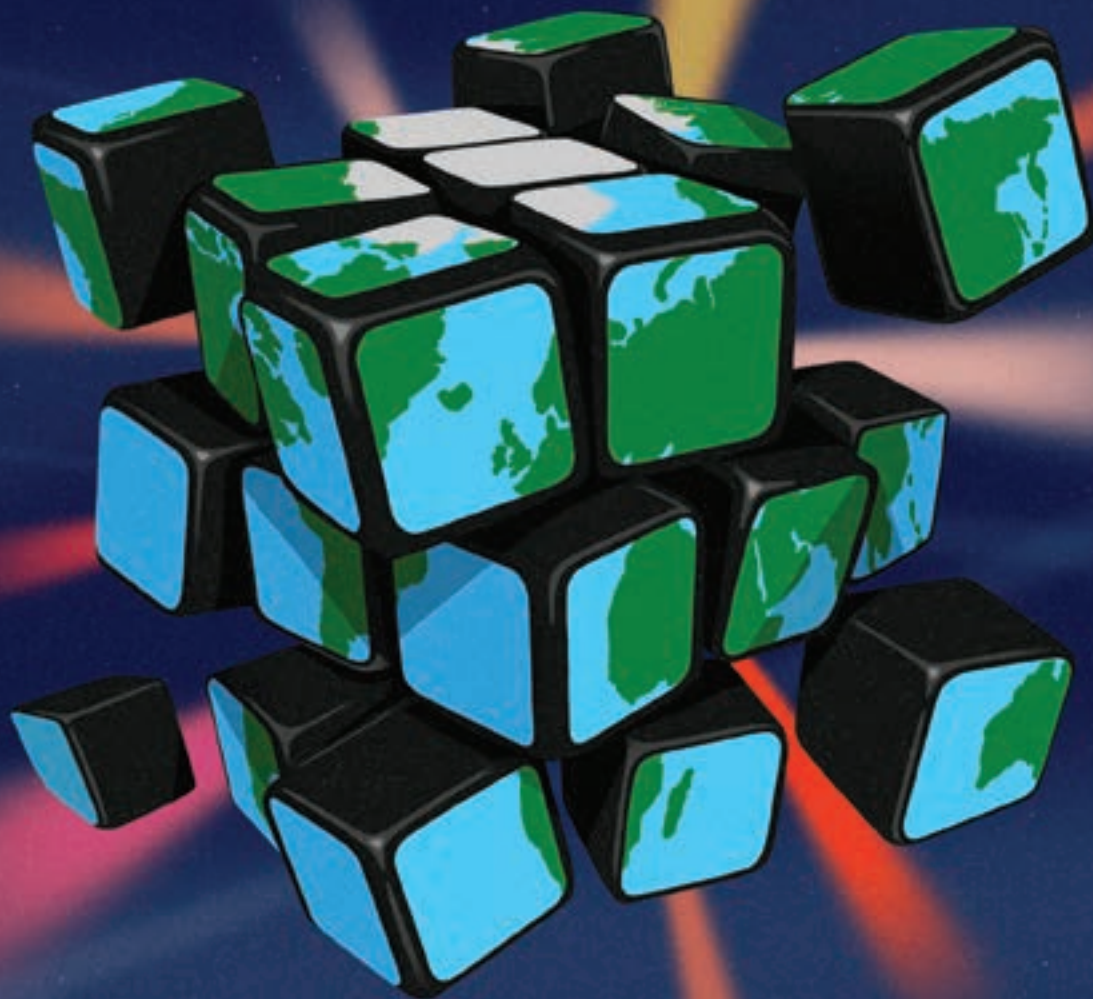

Прасад
о доминировании
доллара США, стр. 12

Санкции как оружие,
стр. 20

Четти о равенстве
возможностей, стр. 38

Геоэкономическая ГОЛОВОЛОМКА

Экономическая политика
в более раздробленном мире

Содержание

Если геополитические тектонические пласты начнут расходиться, нам потребуется больше, а не меньше МОСТОВ.

БОЛЕЕ РАЗДРОБЛЕННЫЙ МИР

4 Противостояние идеальному затяжному шторму

Необходимо преодолеть увеличивающиеся расхождения и пересмотреть многосторонние подходы для более эффективной работы как в коллективных интересах, так и в интересах отдельных стран

Тарман Шанмугаратнам

10 Смещение геополитических тектонических пластов

Рост фрагментации в мире не уменьшит, а увеличит потребность в МВФ

Пьер-Оливье Гуриншиа

12 Прочное превосходство

Доллар США может ослабнуть, но он продолжит править

Эсвар Прасад

16 Потрясения и уроки истории

Возможности рождаются в результате кризисов, однако соединяющие их связи далеко не прямолинейны

Патриция Клавин

20 Санкции как оружие

Экономические санкции ведут к более мощным, чем когда-либо, глобальным потрясениям, и их легче обойти.

Николас Малдер

24 Останется ли инфляция высокой?

Ответ на этот вопрос зависит от распределения шоков для экономики и от того, как будут реагировать центральные банки

Ручир Агарвал и Майлз Кимбалл

32 Экономика убеждения во времена мира и войны

Распространение мобильной широкополосной связи и развитие социальных сетей изменяют характер ведения войны

Сергей Гуриев

56 Новый энергетический императив

Вторжение России в Украину выводит на первый план кризис и возможности в области энергетического перехода

Гернот Вагнер

РУБРИКИ

28 **Представьте себе**

Продовольственный кризис в мире

Три усугубляющих друг друга кризиса (конфликт, пандемия COVID и изменение климата) ведут к еще одному — голоду

Эндрю Стенли

30 **Экономическое кафе**

Инвестиции в беженцев

Джованни Пери считает, что мигранты из Украины в перспективе могут стать для принимающих стран не балластом, а ценным активом

34 **Люди в экономике**

Держаться до конца

Крис Веллиш представляет *Мелиссу Делл* из Гарвардского университета, которая по-новому разоблачает наследие прошлого

54 **Возвращение к основам**

Напряжение в цепочках поставок

Во время пандемии вновь обострились споры по поводу «глобальных сборочных конвейеров» по всему миру

Диего А. Сердиеро и Нильс-Якоб Х. Хансен

59 **Книжное обозрение**

Oceans of Grain: How American Wheat Remade the World, Скотт Рейнолдс Нельсон

60 **Денежные знаки**

Поддержка творцов

NFT открыли для художников из развивающихся стран новый мир с возможностью заработка

Аналиса Р. Бала

А ТАКЖЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ

38 **Ради американской мечты**

Целевые программы для детей — лучший способ повысить восходящую экономическую мобильность

Радж Четти и Натаниэль Хендрен

42 **COVID-19 и доверие среди молодежи**

Ненадлежащее урегулирование чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения и других областях подрывает доверие молодежи к политикам на долгие годы

Джеват Аксой, Барри Айкенгрин и Оркун Сака

46 **Чему пандемия научила учителей**

Творческий подход к дистанционному обучению может восполнить потери в учебном процессе в периоды закрытия школ

Ноам Ангрис

50 **Пробел в сфере базовых навыков**

Достигнуть ЦУР невозможно без всеобщих базовых навыков в глобальном масштабе, а эта цель все еще далека

Эрик А. Ханушек и Людгер Вессманн

46

34

Более раздробленный мир

РЕДКОЕ СТЕЧЕНИЕ геополитических, экономических и технологических факторов, с которым сейчас сталкивается мир, возможно, скажется на жизни нескольких поколений. Война ввергает нас в напряженный период изменений в расстановке геополитических сил, дестабилизации поставок, отсутствия продовольственной и энергетической безопасности и более волатильных финансовых рынков. Эти шоки могут поколебать социальную и политическую стабильность в некоторых странах и ослабить способность планеты противостоять самой серьезной долгосрочной проблеме — изменению климата.

Пьер-Оливье Гуришша (МВФ) описывает внезапный геополитический сдвиг, обнаживший скрытые линии разлома. Он предупреждает об опасности дробления мира на «отдельные экономические блоки с разными идеологиями, политическими системами, технологическими стандартами, системами трансграничных платежей и торговли и резервными валютами».

Для обсуждения этого вопроса мы собрали авторитетных экспертов, которые могут помочь нам разобраться в этих тенденциях, которые разворачиваются на фоне замедляющегося восстановления мировой экономики, роста инфляции и сокращения пространства для экономической политики, — и найти оптимальные подходы.

Самый непосредственный риск связан с войной в Украине. Николас Малдер считает, что санкции против России будут иметь беспрецедентные последствия, которые должны побудить нас переосмыслить их использование в качестве инструмента ведения экономической войны. Джованни Пери рассматривает экономическое воздействие потока беженцев из Украины. Рубрика «Представьте себе» рисует картину продовольственного кризиса, угрожающего голодом миллионам людей. Другие авторы видят в вызванном войной стремительном росте цен на энергоносители шанс стимулировать переход на зеленые источники энергии. И хотя некоторые предостерегают, что геополитическое соперничество и новые технологии положат конец господству доллара в международных финансах, Эсвар Прасад доказывает обратное: доллар лишь закрепится в качестве наиболее востребованной глобальной валюты.

Более раздробленный мир, по словам Тармана Шанмугаратнама (Сингапур), делает еще более важным наращивание инвестиций в глобальные общественные блага — и потребует беспрецедентного сотрудничества между государством и частным сектором и более тесных и действенных многосторонних отношений.

Надежда есть. Как напоминает нам историк Патриция Клавин, беспокойные времена могут побудить к активным действиям и новым идеям, которые могут способствовать более эффективным формам сотрудничества. Главным приоритетом, как отмечает Шанмугаратнам, должна стать «адаптация к многополярному миру без усиления поляризации». **ФР**

ГИТА БХАТТ, главный редактор

НА ОБЛОЖКЕ

Рисунок художника Питера Рейнольдса на обложке заставляет задуматься о сложности разработки и проведения политики в сегодняшнем более поляризованном и раздробленном мире — эта тема углубленно рассматривается в нашем выпуске за июнь 2022 года.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гита Бхатт

РУКОВОДЯЩИЙ РЕДАКТОР

Морин Берк

ЗАМЕСТИТЕЛЬ РУКОВОДЯЩЕГО РЕДАКТОРА

Питер Уокер

СТАРШИЕ РЕДАКТОРЫ

Аналиса Бала

Николас Оуэн

МЛАДШИЙ РЕДАКТОР

Эндрю Стэнли

КРЕАТИВНЫЙ РЕДАКТОР ИНТЕРНЕТ-МАТЕРИАЛОВ

Роуз Коувенховен

РЕДАКТОР ОНЛАЙН-ВЕРСИИ

Рекия Еннабулси

МЕНЕДЖЕР ПО ПРОИЗВОДСТВУ

Мелинда Уир

КОРРЕКТОР

Люси Моралес

СОВЕТНИКИ РЕДАКТОРА

Ручир Агарвал
Бернардин Аkitоби
Селин Аллард
Стивен Барнетт
Хельге Бергер
С. Пелин-Беркман
Дарья Захарова
Эра Дабла-Норрис
Рупа Дуттагупта
Мам Асту Дюф
Кеннет Канг

Махваш Куреши
Альфредо Куэвас
Субир Лалл
Рафаэль Лэм
Папа Ндиайе
Ума Рамакришнан
Ойя Селасун
Хамид Фарук
Давиде Фурчери
Мартин Чихак

ИЗДАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

подготовлено Службой переводов МВФ

© 2022 Международный валютный фонд. Все права защищены. Для получения разрешения на перепечатку статей Ф&Р заполните форму онлайн (www.imf.org/external/terms.htm) или обратитесь по электронной почте в copyright@imf.org. Разрешение на перепечатку статей в коммерческих целях можно также получить за номинальную плату в Copyright Clearance Center (www.copyright.com).

Мнения, выраженные в статьях и других материалах, принадлежат авторам и не обязательно отражают политику МВФ.

Услуги подписчикам, изменение адреса и заявки на рекламу:

IMF Publication Services

Finance & Development

P.O. Box 92780

Washington, DC, 20090, USA

Телефон: (202) 623-7430

Факс: (202) 623-7201

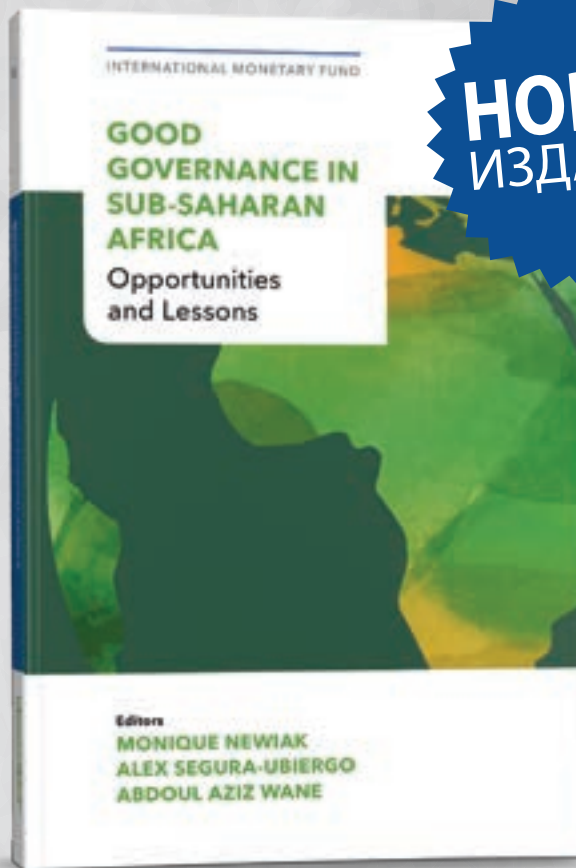
Эл. почта: publications@imf.org

Postmaster: send changes of address to Finance & Development, International Monetary Fund, PO Box 92780, Washington, DC, 20090, USA.

The English edition is printed at Dartmouth Printing Company, Hanover, NH.

Finance & Development is published quarterly by the International Monetary Fund, 700 19th Street NW, Washington DC 20431, in English, Arabic, Chinese, French, Russian, and Spanish. Russian edition ISSN 1020-8151

**НОВОЕ
ИЗДАНИЕ**

Путь к устойчивому развитию может быть ближе, чем кажется.

- Получите последние аналитические оценки от международных экспертов в области государственного управления.
- Развейте успехи в разработке экономической политики на практических реальных примерах.
- Смягчите проблемы государственного управления посредством прозрачности и укрепления институтов.

**«... самый всеобъемлющий опыт региона по влиянию
государственного управления на общество...»**

ПОЛ КОЛЛИЕР,

профессор экономики и государственной политики, Оксфордский университет

ПУБЛИКАЦИИ

Отсканируйте, чтобы **прочитать отрывок**

ПРОТИВО ИДЕАЛЬНОМУ ЗАТЯЖНОМУ

СТОЯНИЕ

ШТОРМУ

Необходимо преодолеть увеличивающиеся расхождения и пересмотреть многосторонние подходы для более эффективной работы как в коллективных интересах, так и в интересах отдельных стран

Тарман Шанмугаратнам

андемия, война в Украине, угроза продовольственной безопасности, новый виток бедности в мире. Аномальная жара, засухи, другие экстремальные погодные явления. Все это не случайные потрясения. Но это и не идеальный шторм в его общепринятом понимании как единичного совпадения неблагоприятных событий. Скорее мы имеем дело с совокупностью взаимоусиливающих длительных структурных угроз — геополитических, экономических и экзистенциальных. Мы оказались в ситуации идеального затяжного шторма.

Нельзя рассчитывать на самопроизвольное исчезновение этих угроз или надеяться, что проблемы, охватившие одну часть мира, не проявятся в других его частях. Пандемия COVID-19 с ее последующими мутациями заставила осознать этот факт ценой колоссальных человеческих и экономических потерь во всем мире. Лишь признав серьезность и коллективный характер существующих угроз и повысив эффективность организации наших усилий по борьбе с ними, можно будет вновь обрести оптимизм.

Во-первых, риск эскалации геополитического конфликта сейчас выше, чем когда-либо за три последних десятилетия. Система международных правил и норм, призванная обеспечить сохранение мира и территориальной целостности национальных государств, всегда была непрочной. Но ничем не спровоцированное вторжение в Украину — это не просто очередной сбой в системе. По своим последствиям оно намного превосходит прочие конфликты, причем развитие событий может оказаться катастрофическим.

Во-вторых, перед нами встает перспектива стагфляции, то есть усиления инфляции и замедления роста в течение определенного времени. То, что год назад считалось маловероятным «риском экстремальных изменений», стало вполне возможным сценарием. Перед центральными банками стран с развитой экономикой еще никогда, насколько известно, не стояла столь сложная задача, и их шансы обуздать инфляцию, одновременно обеспечив плавное и умеренное снижение экономического роста, тают на глазах. Решение этой задачи дополнительно затрудняют война в Украине и вызванные ею нарушения в работе энергетического, продовольственного и других критически важных рынков сырьевых товаров.

В исторической перспективе инфляция в странах с развитой экономикой вряд ли будет рассматриваться как главная из проблем этого десятилетия, тем более в сравнении с последствиями, грозящими странам развивающегося мира, или с ослаблением международного порядка. Тем не менее продолжительная высокая инфляция приведет к серьезному подрыву политического капитала, необходимого странам для реагирования на более масштабные проблемы, внутренние и международные, включая климатический кризис. Это может отбросить мир назад, причем экономические модели не позволяют предсказать, что именно будет происходить. В частности, рост стоимости жизни оказывает демо-

рализующее влияние на население, которое сейчас намного старше, чем в 1970-е годы, когда в странах с развитой экономикой наблюдался последний эпизод высокой инфляции.

Полет вслепую

В-третьих, ускоряется процесс разрушения общих экзистенциальных благ. Изменение климата, сокращение биоразнообразия, дефицит воды, загрязнение океанов, опасная загруженность космического пространства и распространение инфекционных заболеваний — все это будет приводить к повсеместному усилению угроз для жизни и источников дохода. Мы должны бороться со всеми этими угрозами одновременно, ведь научные данные ясно указывают на взаимосвязи между ними. Глобальное потепление и деградация биосферы приводят к масштабным сдвигам в животном мире, в результате которых бесчисленные новые и прежде существовавшие патогены передаются между видами и попадают в человеческие сообщества. Периодически возникающие пандемии уже стали неотъемлемой частью системы. Спустя два года после появления COVID-19 мир продолжает продвигаться навстречу очередной пандемии, не имея четких ориентиров. Между тем ученые предупреждают, что она может разразиться в любой момент и оказаться еще более смертоносной.

Неприятный факт заключается в том, что в краткосрочной перспективе для обеспечения энергетической безопасности и предотвращения резкого роста цен на энергоносители в мире придется шире использовать ископаемое топливо, включая даже уголь. Но это также означает, что мы должны прилагать еще больше усилий для долгосрочного перехода к низкоуглеродной энергетике в будущем. Чтобы осуществить этот жизненно важный переход, в то же время сохранив энергетическую безопасность, необходимы четкие основы политики, — в частности, предсказуемые схемы взимания платы за выбросы углерода в атмосферу, поэтапный отказ от субсидий на ископаемые виды топлива и прямая помощь уязвимым группам.

В-четвертых, необходимо противостоять риску усиления расхождений внутри стран и особенно между ними. Повышение цен на основные продукты питания, корма для скота, удобрения и энергоносители ложится непропорционально тяжелым бременем на более бедные страны, которые и без того сильнее других страдают от экстремальных погодных явлений, причем наиболее ощутимо это отражается на беднейших слоях населения. Органы власти в этих странах располагают весьма ограниченными бюджетными возможностями для преодоления подобных потрясений. Более половины таких государств уже оказались в положении долгового кризиса или приближаются к нему. В условиях столкновения с этими ограничениями, требующими немедленного реагирования, возникает риск того, что задачи по развитию образования и здравоохранения и впредь будут оставаться без внимания, а это чревато опасными

долгосрочными и глобальными последствиями. Еще до появления COVID-19 в странах с низкими и средними доходами более половины детей к 10-летнему возрасту не владели основами грамоты, а теперь этот показатель, согласно оценкам, достигает 70 процентов. Во время пандемии особенно сильно пострадало образование девочек, многие из которых не вернулись в школу, а миллионы были вынуждены вступить в ранние браки.

В настоящее время существует реальная перспектива отката экономического и социального прогресса, с таким трудом достигнутого многими развивающимися странами за последние два десятилетия. Это может оставить неизгладимый след в судьбе молодого поколения, послужить причиной дальнейшего сокращения прав и возможностей женщин, а также привести к гражданским войнам и конфликтам между соседними государствами. Каждое из этих событий затронет решение наиболее острых мировых проблем.

Финансирование глобальных общественных благ

Мы обязаны бороться с этими угрозами, действуя не на основе сценариев, отражающих наши надежды, а с учетом реалистичной оценки того, что именно может пойти не по плану. COVID-19 и война в Украине не были непредсказуемыми кризисными явлениями. Полный масштаб этих трагедий, возможно, не прогнозировался, но эти риски уже некоторое время были различимы на горизонте.

Подобно регулирующим органам, которые извлекли уроки из мирового финансового кризиса и в преддверии следующего потрясения направили усилия на укрепление финансовых буферных резервов, мы должны сделать готовность к реагированию на угрозы, известные и неизвестные, одним из основных элементов государственной политики и коллективного мышления.

Нам следует на длительное время существенно увеличить инвестиции в общественные блага, необходимые для решения наиболее насущных мировых проблем. Мы обязаны восполнить многолетний недостаток инвестиций в самых разных критически важных областях, начиная с чистой воды и квалифицированных учителей в развивающихся странах и заканчивая модернизацией устаревающей материально-технической инфраструктуры в некоторых из наиболее развитых стран. Вместе с тем у нас появилась возможность стимулировать новую волну инноваций для решения проблем, связанных с общемировыми благами: от создания низкоуглеродных строительных материалов, усовершенствованных аккумуляторов и водородных электролизеров до разработки комбинированных вакцин, которые обеспечивают защиту от нескольких патогенов одновременно.

Для финансирования таких инвестиций требуется развитие государственно-частного сотрудничества в невиданных ранее масштабах. Чтобы удовлетворить эти потребности,

финансов одного лишь государственного сектора будет недостаточно. Расходы на обслуживание долга и без того будут поглощать все большую часть государственных доходов. Кроме того, правительства стран с развитой экономикой уже объявили, что «дивиденды мирной жизни», на несколько десятилетий позволившие им снизить расходы на оборону, остались в прошлом.

Сегодня возникла необходимость переориентировать государственные финансы — по возможности в партнерстве с филантропическим капиталом — на мобилизацию частных инвестиций для удовлетворения потребностей, связанных с общемировыми благами. Согласно оценкам, чтобы

Мы должны сделать готовность к реагированию на угрозы, известные и неизвестные, одним из основных элементов государственной политики и коллективного мышления.

достичь нулевого уровня выбросов углерода, в течение следующих 30 лет во всем мире потребуется инвестировать 100–150 трлн долларов. Эта цель может показаться нереалистичной. Тем не менее 3–5 трлн долларов в год представляют собой лишь небольшую долю от объема мировых рынков капитала (100 трлн долларов), которые ежегодно увеличиваются примерно на такую же сумму.

Недостатка в частных и рыночных финансах нет. Но для того чтобы направить их на удовлетворение потребностей, связанных с общими благами, необходима упреждающая деятельность государства и продуманные системы распределения рисков между государственным и частным секторами. Решающую роль в достижении существенного сокращения выбросов к 2030 году играют правила и стандарты, направленные на быстрое внедрение проверенных технологий чистой энергетики, а также на стимулирование масштабных инвестиций в объекты инфраструктуры, включая, например, интеллектуальные сети для передачи и распределения электроэнергии. Вместе с тем почти половина технологий, необходимых для выхода на нулевой уровень выбросов к середине столетия, до сих пор остается на стадии прототипов. В целях ускорения разработки подобных технологий и их выведения на рынок государство должно задействовать собственные средства, чтобы привлечь базу

Нам не решить проблемы этой новой эры без более эффективных многосторонних отношений.

НИОКР частного сектора, и продвигать демонстрационные проекты. Необходимо со временем создавать новые важные отрасли и возможности для трудоустройства.

Социальная отдача от защиты общемировых благ, как правило, существенно превышает частные выгоды, что убедительно доказывает важность разделения риска между государственным сектором и частными инвесторами. Убедительной иллюстрацией этого тезиса служат крупномасштабная разработка и производство вакцин в преддверии будущей пандемии. Проект по ускорению, хотя бы на шесть месяцев, иммунизации населения мира позволит сэкономить триллионы долларов и спасти бесчисленное количество жизней.

Обеспечение результативности многостороннего подхода

Однако нам не решить проблемы этой новой эры без более эффективных многосторонних отношений. В докладе «Наша общая повестка дня» Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш сформулировал смелую и убедительную концепцию многостороннего подхода, которая предполагает более широкий учет различных мнений, укрепление сетевой структуры, а также повышение эффективности в достижении целей, что, соответственно, приводит к росту доверия.

Для этого не требуется полная реорганизация многосторонних отношений или создание принципиально новых институтов. Тем не менее мы должны действовать безотлагательно, стремясь переориентировать существующие институты для новой эры, разработать новые механизмы сетевого сотрудничества между многосторонними учреждениями и другими организациями, включая негосударственные, а также объединить ресурсы для более эффективной работы как в коллективных интересах, так и в интересах отдельных стран.

Во-первых, необходим новый концептуальный подход к общемировым благам. Средства, потраченные на их укрепление, следует рассматривать не как помощь остальным странам мира, а как инвестиции, выгода от которых для богатых и бедных стран во много раз превышает затраты. Как показала Независимая группа высокого уровня G20 по финансированию готовности к пандемии, дополнительные международные инвестиции, необходимые для устранения крупных глобальных пробелов в обеспечении готовности, — при справедливом распределении вкладов между странами — не только будут экономически приемлемы для всех, но и позволят избе-

жать расходов, которые окажутся *в несколько сот раз больше*, если мы не сумеем сообща предотвратить новую пандемию. Давнее неприятие коллективных инвестиций в обеспечение готовности к пандемии отражает политическую неадекватность и финансовую неосмотрительность, которые мы обязаны безотлагательно преодолеть.

Модернизация Бреттонвудской системы

Во-вторых, необходимо перепрофилировать Бреттонвудские учреждения. МВФ и Всемирный банк были созданы почти 80 лет назад для содействия в решении проблем, с которыми сталкивались отдельные страны, и в эпоху, когда финансовые рынки были в основном небольшими и не связанными друг с другом. Их задачи следует привести в соответствие с реалиями современного мира, в котором финансовые кризисы часто имеют глобальный характер, а ухудшение состояния общемировых благ представляет все более серьезную экономическую проблему для всех стран, а особенно — для развивающихся.

Акционеры МВФ и Всемирного банка должны предоставить этим учреждениям больше ресурсов и возможностей для оказания более масштабного и оперативного воздействия в новых глобальных реалиях. МВФ должен получить полномочия по управлению более прочной и эффективной системой глобальной финансовой безопасности — по методам более сопоставимой с деятельностью ведущих центральных банков, которые обеспечивают стабильность во внутренней экономике после начала кризиса. В число основных задач Всемирного банка, помимо борьбы с бедностью, должна войти защита общемировых благ. Всемирный банк также обязан играть гораздо более активную роль в приумножении финансов, направляемых на цели развития. Он должен совершить более решительный разворот от целевого кредитования за счет собственных средств к мобилизации частного капитала, использованию гарантий риска и других инструментов для повышения качества кредитов. Помимо этого, Всемирный банк и МВФ должны объединить усилия с другими международными финансовыми организациями и партнерами по развитию, чтобы преодолеть существующую сегодня разрозненность мер, обеспечить конвергенцию ключевых стандартов (например, связанных с устойчивостью долговой ситуации и с государственными закупками), а также оказать более значимое влияние на развитие.

В-третьих, необходимо защитить информационные общи́е блага. Задачи в этом направлении представляются очевидными. Следует создать инфраструктуру и нормативную базу, которые необходимы для устранения информационного разрыва, и приложить серьезные усилия для ликвидации цифровой неграмотности в каждом обществе. Вместе с тем предстоит разработать защитные механизмы, чтобы интернет не представлял угрозы для демократии, а онлайн-платформы отвечали общественным интересам. До сих пор отсутствуют международные правила и нормы для противодействия масштабной дезинформации или систематическим усилиям по подрыву доверия. Важным шагом в этом направлении явился новый Закон Европейского союза о цифровых услугах, призванный заставить онлайн-платформы удалять сообщения, которые направлены на распространение ложных сведений и разжигание ненависти. Аналогичного подхода придерживаются такие страны, как Великобритания, Сингапур и Австралия.

Также необходимо решить растущую проблему кибератак и их влияния на международный мир и безопасность. В разных странах был принят комплекс норм и правил ответственного поведения государств в киберпространстве. Задача состоит в том, чтобы обеспечить их неукоснительное соблюдение, даже в периоды геополитической напряженности.

Предотвращение поляризации

В-четвертых, для создания более эффективной многосторонней системы необходимо достичь нового стратегического понимания между ведущими странами, прежде всего между США и Китаем, поскольку в мире происходит необратимый сдвиг в сторону многополярности. Это новое понимание должно определяться магистральными общими интересами стран — в области климата, борьбы с пандемиями, поддержания мира и предотвращения глобальных финансовых кризисов. Это потребует значительных способностей геостратегического планирования, а также разработки более активных стратегий создания качественных рабочих мест и возможностей для широких слоев населения в стране в целях восстановления политических основ для обеспечения экономической открытости.

Необходимо пересмотреть правила игры, которые обеспечат честную конкуренцию и устойчивость цепочек поставок без отказа от открытого и интегрированного порядка, жизненно важного для темпов роста, внедрения инноваций и долгосрочной безопасности в каждой стране. Пандемия COVID-19 ускорила переход предприятий к более диверсифицированным международным цепочкам поставок, что по сути благоприятно для ряда развивающихся стран. Тем не менее значимость глобальных источников снабжения сегодня ничуть не ниже, чем до пандемии. Торговые связи между США и Китаем по-прежнему чрезвычайно выгодны обеим странам.

Нельзя предаваться иллюзии, что интегрированный мировой порядок с присущими ему глубокими экономическими взаимосвязями между странами сам по себе обеспечит мир. Но экономическая взаимозависимость между ведущими странами (кроме секторов, затрагивающих вопросы национальной безопасности) возникновение конфликтов гораздо менее вероятно, чем в мире с усиливающимся расхождением рынков, технологий, платежных систем или данных.

Мы должны исходить из долгосрочных соображений. Главным приоритетом должна стать адаптация к многополярному миру без усиления поляризации. Поляризация и фрагментация мира в конечном счете ослабят все страны, в том числе самые крупные, и сделают трудным — если не невозможным — удовлетворение интересов всего человечества, связанных с безопасным, устойчивым и процветающим миром, инклюзивным и справедливым для всех. **ФР**

ТАРМАН ШАНМУГАРАТНАМ — старший министр Сингапура. Он входит в состав Консультативного совета высокого уровня при Генеральном секретаре ООН по эффективному многостороннему подходу, а также в число сопредседателей недавно созданной Всемирной комиссии по экономике водных ресурсов. Он возглавлял Группу видных деятелей G20 по вопросам глобального финансового управления и являлся сопредседателем Независимой группы высокого уровня G20 по финансированию готовности к пандемии.

ФОТО: IMF / GENEVE/SIFRA

Смещение геополитических тектонических пластов

Рост фрагментации в мире не уменьшит, а увеличит потребность в МВФ

Пьер-Оливье Гуринаша

ВТОРЖЕНИЕ РОССИИ в Украину открыло новую главу в международных отношениях, с серьезными последствиями для глобального экономического порядка.

Вспышка крупномасштабных военных действий на территории Европы и вызванные ей людские трагедии заставляют нас вспомнить о самых мрачных периодах в истории континента. Не прошло и трех дней с начала вторжения, а Группа семи, в которую входят Германия, Италия, Канада, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты, Франция и Япония, ввела против агрессора целый ряд экономических санкций, и вскоре за ней последовали другие страны.

Как отмечается в нашем последнем докладе «*Перспективы развития мировой экономики*», эта война и связанные с ней экономические санкции будут иметь серьезные последствия для мировой экономики, включая замедление активности и усиление ценового давления.

Подобно землетрясению, война имеет эпицентр, который находится в России и Украине. Эти две страны несут

крайне большие экономические потери. По нашим прогнозам, экономика Украины в 2022 году сократится на 35 процентов, а России — на 8,5 процента.

Война также вызывает сейсмические волны, расходящиеся из эпицентра и воздействующие на экономику стран по всему миру. Первое такое воздействие затрагивает цены на сырьевые товары. Поскольку Россия и Украина являются крупными производителями и экспортёрами нефти, газа, металлов и зерна, цены на эти сырьевые товары стремительно растут, вызывая трудности во всем мире и способствуя значительному росту инфляции. Во-вторых, сильно дестабилизированы торговые потоки, что повлекло за собой серьезные последствия для близких торговых партнеров России и Украины, особенно среди стран Кавказа, Центральной Азии, Восточной Европы и Балтии, а также для более широкого круга стран через нарушения в цепочках поставок. Кроме того, война привела к крупномасштабному кризису беженцев в Европе: менее чем за три месяца Украину покинуло почти 6 млн человек. В-третьих, война вызвала ужесточение финансовых условий вследствие ослабления экономики многих стран и, косвенно, через более быстрое, чем ожидалось, ужесточение денежно-кредитной политики в странах с развитой экономикой.

Сравнение с землетрясением, пожалуй, очень подходит, поскольку эта война указывает на внезапное смещение базовых «геополитических тектонических пластов». Опасность состоит в том, что эти пласты могут разойтись еще больше, и это приведет к делению мировой экономики на отдельные экономические блоки с разными идеологиями, политическими системами, технологическими стандартами, системами трансграничных платежей и торговли и резервными валютами. Война выявила более глубокие расходящиеся процессы. Нам необходимо пристально рассмотреть и понять их, если мы хотим предотвратить необратимый распад нашего мирового экономического порядка.

В этом отношении аналогия с землетрясением является не совсем полной, что дает некоторые основания для надежды на лучшее. Эти «геополитические пласты» являются результатом человеческой деятельности, отражая влияние истории, институтов и людей. Каждый пласт или блок может обладать огромной инерцией, но в конечном счете люди — и правительства их стран — способны проложить собственные пути. Разум и взаимные экономические интересы могут возобладать.

В этом контексте подспудной экономической силой в этом процессе является растущая мощь стран с формирующейся рыночной экономикой, особенно Китая. Экономическое укрепление Китая и других стран с формирующимся рынком является прямым следствием их интеграции в мировую экономику: темпы роста международной торговли и экономики намного увеличились за последние 40 лет именно благодаря тому, что мир не был раздробленным. Тем не менее нарастающая экономическая мощь этих стран не сопрово-

ждалась аналогичным усилением их возможностей в финансовой сфере и в мировых организациях.

Это особенно очевидно, если рассмотреть значимость доллара США в международной валютной и финансовой системе. Специалисты, изучающие эту систему, и я в их числе, давно отмечают, что господство доллара США является абсолютным и органичным, но в конечном счете уязвимым. Оно абсолютно, потому что никакая другая международная валюта и близко не сравнится с долларом в качестве международного средства платежа, расчетной единицы и средства сбережения. Оно является органичным, поскольку это господство не обусловлено установленной системой правил. Конвертируемость доллара в золото закончилась в 1971 году, и тем не менее доллар стал, скорее, еще более доминирующим вследствие взаимосвязанных и самоусиливающихся сетевых эффектов и несомненных ликвидности и надежности ценных бумаг Казначейства США. Оно также в итоге является уязвимым ввиду того, что доля США в мировом производстве и, соответственно, доля мирового производства, которую они могут без риска предложить в качестве залога посредством своих официальных долговых инструментов, неизбежно будет сокращаться по мере укрепления стран с формирующимся рынком. Учитывая их убывающую долю в мировом объеме производства, США не могут неограниченно долго оставаться единственным мировым поставщиком надежных активов. Это то, что мы с Элен Рей назвали «новой дилеммой Триффина».

Никто не в состоянии достоверно предсказать, когда и как на смену нынешнему абсолютному господству доллара придет многополюсная система. Это одна из линий разлома в существующем экономическом порядке. То, как будет осуществляться этот переход, может существенно повлиять на мировую экономику и будущее многосторонних подходов. На одном конце спектра — возможное возникновение отдельных блоков. Это решит дилемму Триффина, сделав мир меньше, но при этом и менее эффективным. Или противоположный вариант — мировая экономическая система может остаться интегрированной, но пока неясно, как могут складываться взаимодействие и возможная координация между несколькими резервными валютами, включая доллар США.

В этом вакууме значительными новыми событиями стали война и беспрецедентное и согласованное блокирование международных резервов Центрального банка Российской Федерации. Запущены мощные центробежные силы, которые, если их не сдержать, могут привести к фрагментации мировой экономики.

Замораживание резервов центрального банка является преднамеренным сильным ударом в самое сердце «Крепости Россия», экономического и финансового бастиона, который российские власти воздвигли со времени вторжения в Крым в 2014 году. Мощная «подушка безопасности» —

международные резервы в размере 37 процентов российского ВВП — должна была уберечь Россию от воздействия финансовых санкций. В результате замораживания значительной части этих резервов Россия теперь для финансирования своей военной кампании сильно зависит от продолжения экспорта энергоносителей, что представляет собой серьезную уязвимость.

Вместе с тем санкции против центральных банков ставят под сомнение саму общую целесообразность накопления долларовых международных резервов, особенно когда ограничения на их использование представляются произвольными, по крайней мере с точки зрения стран — обладательниц этих резервов. Это создает «геополитическую дилемму Триффина», в которой поводом для сокращения вложений в долларовые активы может стать не отсутствие достаточных бюджетных возможностей, а ожидание будущих ограничений на использование резервов.

В этом отношении война ярко высветила потенциальную нестабильность существующего мирового экономического порядка. В этих новых условиях перед МВФ встает ряд серьезных экзистенциальных вопросов. Поскольку он является глобальной организацией, призванной содействовать интеграции мировой экономики, его деятельность будет

Война ярко высветила потенциальную нестабильность существующего мирового экономического порядка.

все более затруднена в условиях геополитической поляризации. В этой ситуации может представляться целесообразным ставить более скромные цели и сосредоточить внимание на блоке, традиционно смыкающемся со странами, первоначально подписавшими Бреттон-Вудское соглашение. Но это значит не справиться с исторической задачей.

Вместо этого мы должны признать, что раздробленная мировая экономика означает более нестабильный и уязвимый мир, в котором доступ к надежным активам более ограничен, а глобальная система финансовой безопасности является менее полной по охвату. В этом мире потребность в МВФ не уменьшается, а наоборот, возрастает. Наша организация должна найти пути выполнения своей миссии по предоставлению финансовой помощи и экспертных знаний по мере необходимости, представляя при этом всех наших членов, даже если политическая ситуация усложняет эту задачу. В случае если геополитические тектонические пласты начнут расходиться, нам потребуется больше, а не меньше мостов. **ФР**

ПЬЕР-ОЛИВЬЕ ГУРИНША — экономический советник и директор Исследовательского департамента МВФ.

ПРОЧНОЕ ПРЕВОСХОДСТВО

Доллар США может ослабнуть, но он продолжит править

Эсвар Прасад

Международная валютная система, возможно, находится на пороге значительных изменений в силу сочетания экономических, геополитических и технологических факторов. Но вопрос о том, низведут ли эти факторы доллар США с его пьедестала доминирующей международной валюты, каковой он является большую часть периода после Второй мировой войны, остается открытым. То, как проявятся эти факторы, будет иметь значительные последствия для эволюции мирового порядка, поскольку финансовое могущество является одним из важнейших элементов мягкой силы.

Доллар доминирует по каждому аспекту мировых финансов. Почти 60 процентов валютных резервов центральных банков мира, по существу, их средств «на черный день», инвестировано в активы, выраженные в долларах. Почти по всем товарным контрактам, в частности, на нефть, цены устанавливаются и расчеты производятся в долларах. Доллар используется как валюта номинала и расчетов в большинстве международных финансовых операций (см. рисунок).

Превосходство доллара обеспечивает США значительную власть и влияние. Поскольку в операциях, связанных с долларом, неизменно задействована банковская система США, правительство США может серьезно наказывать страны, такие как Иран и Россию, налагая санкции, ограничивающие их доступ к мировым финансам. Это также означает, что налогово-бюджетная и денежно-кредитная политика правительства США затрагивает остальной мир, поскольку она влияет на стоимость доллара. И это позволяет США играть непропорционально высокую роль в мировом ВВП и торговле, что давно раздражает как соперников, так и союзников США.

Наступающие изменения

Сейчас происходят изменения, которые могут подорвать это господство.

Реальное экономическое доминирование США сокращается. В настоящее время экономика США составляет при-

мерно 25 процентов мирового ВВП (по рыночным валютным курсам) по сравнению с 30 процентами в 2000 году. Более того, на протяжении более чем двух десятилетий центр экономического могущества, измеряемого долей мирового объема производства и торговли, смещается в направлении стран с формирующимся рынком, среди которых лидирует Китай.

Формирование цифровых валют, как частных, так и официальных, производит революцию во внутренних и международных финансах. Рассмотрим международные платежи. В них задействовано много валют, платежных систем, функционирующих по разным протоколам, и организаций, регулируемых различными нормативами. Как следствие, трансграничные платежи, как правило, являются медленными, дорогими, и их трудно отслеживать в режиме реального времени. Теперь новые технологии, порожденные революцией в сфере криптовалют, обеспечивают более дешевые и практически моментальные платежи и расчеты по операциям.

В этот процесс включаются даже центральные банки, использующие новые технологии для повышения эффективности механизмов платежей и расчетов по трансграничным операциям отечественных финансовых организаций. В отношении одной из таких мер сотрудничают центральные банки Китая, САР Гонконг, Таиланда и Объединенных Арабских Эмиратов, аналогичными процедурами занимаются другие консорциумы центральных банков.

Эти изменения ослабят связанные с платежами ограничивающие факторы в сфере международной торговли, поскольку более оперативные расчеты снижают риски волатильности валютного курса. Экспортерам и импортерам в меньшей степени необходимо будет хеджировать риски волатильности валютного курса, возникающие вследствие длительных задержек в обработке и завершении платежей. Экономические мигранты, отправляющие денежные переводы в свою страну происхождения, — один из основных источников доходов для многих развивающихся стран — также выиграют от более низких комиссионных.

Наряду с этим происходят изменения на валютных рынках. Например, по мере повышения зрелости финансовых рынков и платежных систем упрощаются операции между парами валют стран с формирующимся рынком. Как правило, переводить такие валюты в доллары и наоборот легче и дешевле, чем обменивать их между собой. Но, например, Китаю и Индии вскоре не понадобится обменивать свои валюты на доллары, чтобы сохранять низкий уровень затрат на ведение торговли. Вместо этого прямой обмен юаня на рупии станет более дешевым. Следовательно, зависимость от «валюты-посредника», в частности, доллара, уменьшится.

Короче говоря, по мере упрощения и, возможно, даже увеличения объема международных платежей в условиях ослабления трений роль доллара в посредничестве в таких платежах может снизиться. В совокупности с этими изменениями уменьшится главенство доллара в номинировании различных операций. Например, устанавливать цены нефтяных контрактов в долларах становится не столь важно, если Китай может использовать юань для оплаты своих покупок нефти у России или Саудовской Аравии.

Цифровые валюты

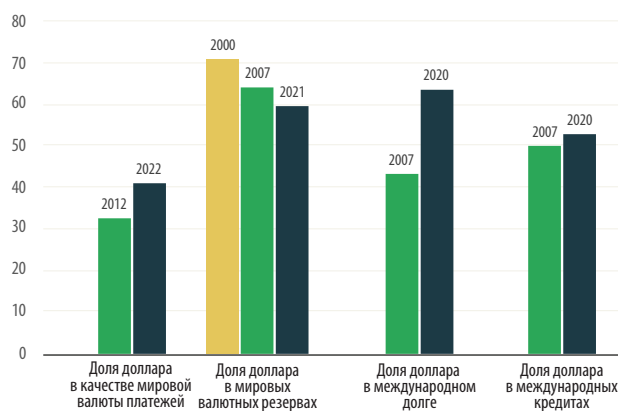
Цифровые технологии затрагивают другие аспекты денег. В условиях быстрого сокращения использования наличности многие центральные банки продвигаются во внедрении цифровых валют центрального банка (ЦВЦБ), или по крайней мере экспериментируют с ними. Китай, среди крупных

стран, находится на этапе продвинутых испытаний своей ЦВЦБ.

Перспективы создания цифрового юаня, доступного во всем мире, усилили предположения о том, что валюта Китая может занять более видное положение и, возможно, даже соперничать с долларом. Но сам по себе цифровой юань не изменит расстановку сил среди основных валют. В конце

Доминирование доллара

Как резервная валюта, средство платежа или валюта номинала долговых обязательств и контрактов, доллар играет наиболее важную роль в мировых финансах, с большим отрывом опережая другие валюты. (Изменение роли доллара в мировых финансах, в процентах)

Источники: Банк международных расчетов, Европейский центральный банк, Международный валютный фонд и SWIFT.

Примечание. Данные относятся к концу 2021 года, за исключением платежей, которые были произведены в марте 2022 года.

ИЛЛЮСТРАЦИИ: ISTOCK / ALEXEY_ZOOM-ZOOM

концов, большинство международных платежей уже являются цифровыми. Скорее, роль юаня как валюты международных платежей повысит Трансграничная межбанковская система (CIPS) Китая, которая может непосредственно взаимодействовать с платежными системами других стран.

Но даже при всем этом юань все еще не обладает некоторыми важнейшими атрибутами, которые, как правило, необходимы резервным валютам, чтобы считаться надежными средствами накопления. Китай достиг определенных успехов в этой области: снял ограничения на трансграничные потоки капитала, позволил силам рынка определять стоимость своей валюты, расширил доступ иностранных инвесторов к своим рынкам облигаций. Но правительство отказывается от институциональных изменений, необходимых, чтобы заручиться доверием иностранных инвесторов, в частности, от обеспечения независимости центрального банка и верховенства закона. Действительно, среди стран, валюта которых служит резервной валютой, только Китай не имеет этих характеристик.

Тем не менее юань достиг определенных успехов в качестве международной валюты. По некоторым оценкам, он используется примерно в 3 процентах международных платежных операций, и около 3 процентов мировых валютных резервов хранится в юанях. Такие показатели видного положения юаня, почти несомненно, будут повышаться по мере роста экономики Китая и его финансовых рынков, а также выделения иностранными инвесторами, в частности, центральными банками, большей доли своих портфелей для активов, выраженных в юанях, — хотя бы по соображениям диверсификации портфелей. Однако маловероятно, что юань будет представлять серьезную угрозу доминированию доллара, если китайское правительство не проведет как ориентированные на рынок реформы, так и модернизацию своей институциональной основы.

Неоднозначное благо

Новые технологии будут как помогать, так и препятствовать странам с формирующимся рынком, при этом побочное влияние этих технологий, в сочетании с другими изменениями, может в конечном итоге усилить доминирование доллара, а не ослабить его.

С одной стороны, как отмечалось ранее, новые финансовые технологии расширят доступ компаний и домашних хозяйств стран с формирующимся рынком и развивающихся стран к мировым финансовым рынкам. Ослабление трений в сфере международных платежей обеспечит компаниям этих стран доступ к мировым пулам капитала и упростит

доступ их домашних хозяйств к возможностям для международной диверсификации портфеля, что позволит им получать более высокую прибыль на свои сбережения и при этом управлять риском.

С другой стороны, распространение каналов для движения денежных средств в другие страны повысит уязвимость развивающихся стран к превратностям политики крупных центральных банков, а также к прихотям отечественных и международных инвесторов. Это также, вероятно, снизит эффективность мер контроля за капиталом. Даже криптовалюты, такие как Bitcoin, являются каналами бегства капитала, когда происходит обвал валюты страны и отечественные инвесторы теряют доверие к банковской системе своей страны. Короче говоря, увеличение потоков капитала и волатильность валютного курса дополнительно усложняют процесс разработки и проведения внутренней политики, что имеет пагубные последствия для экономической и финансовой стабильности этих стран.

Естественная реакция директивных органов стран с формирующимся рынком — защитить свою экономику от таких результатов путем дальнейшего увеличения запасов валютных резервов в твердой валюте. Но, как показывает утрата Россией доступа к большей части ее валютных резервов (вследствие санкций Запада, наложенных в ответ на ее вторжение в Украину), в период острой необходимости такие буферные резервы могут быть недоступны. Это породило предположения о том, что страны с формирующимся рынком будут рассматривать другие резервные активы (такие как золото, криптовалюта или юань) как альтернативы государственным облигациям, выпускаемым развитыми странами.

Однако реалии заключаются в том, что такие активы, как золото, не являются жизнеспособными альтернативами, поскольку их рынки недостаточно ликвидны: продать крупный объем золота за короткий период времени, не спровоцировав обвала цен на золото, трудно. С криптовалютами, такими как Bitcoin, связана дополнительная проблема их весьма нестабильной стоимости. Даже польза от резервов в юанях может быть ограниченной, поскольку эта валюта не является полностью конвертируемой.

В обозримом будущем, вероятно, будет иметь место высокий спрос и, возможно, даже повышение спроса на «надежные активы», которые являются ликвидными, доступны в крупных объемах и обеспечены странами с пользующимися доверием финансовыми системами. Предложение таких активов ограничено, и доллар США, представляющий убедительное сочетание крупнейшей в мире эконо-

мики и финансовой системы, подкрепленной прочной институциональной основой, остается их доминирующим поставщиком. Желание диверсифицировать резервы привело к недавним умеренным увеличениям долей австралийского, канадского и новозеландского долларов в мировых валютных резервах, но эти и прочие ведущие резервные валюты, такие как евро, британский фунт и японская иена, лишь незначительно сократили долю доллара США.

Невинные свидетели

Изменения, наступающие в международной валютной системе, создают дополнительные угрозы для валют менее крупных и менее развитых стран. В некоторых из этих стран, особенно в странах, центральные банки или валюты которых не пользуются доверием, могут получить чрезмерное распространение иностранные цифровые валюты.

Возможно, что национальные валюты, выпускаемые центральными банками их стран, особенно валюты, которые рассматриваются как менее удобные в использовании или имеющие волатильную стоимость, могут быть заменены стейблкоинами (частными криптовалютами, которые выпускаются транснациональными корпорациями или глобальными банками и, как правило, обеспечены долларами США для поддержания стабильности) или ЦВЦБ, выпускаемыми крупными странами. Во время экономических потрясений даже волатильная криптовалюта, такая как Bitcoin, помимо того что она делает возможным бегство капитала, может пользоваться предпочтением перед национальной валютой.

Но экономические потрясения с большей вероятностью приведут к дальнейшей долларизации экономики стран, особенно если во всем мире станут легкодоступными цифровые версии таких широко известных валют, как доллар.

Хотя цифровые технологии делают возможным возникновение новых форм денег, что может пошатнуть позиции фидуциарных валют и положить начало новой эпохе конкуренции национальных и международных валют, столь же вероятно то, что эти новые факторы приведут к повышению централизации, при этом некоторые валюты станут еще более могущественными и влиятельными. Иными словами, многие из этих изменений могут усилить, а не ослабить доминирование доллара.

Долларовая ловушка

Существуют другие факторы, поддерживающие доминирование доллара, особенно перспективы потерь в случае, если доллар пошатнется. Иностранные инвесторы, в частности, центральные банки, владеют государственным дол-

гом США на сумму почти 8 трлн долларов. Общие финансовые обязательства США перед остальным миром составляют в совокупности 53 трлн долларов. Поскольку эти обязательства выражены в долларах, сильное падение стоимости доллара никак не изменит суммы, которую должны США, но сократит стоимость этих активов, выраженную в валютах владеющих ими стран. Например, принадлежащие Китаю государственные облигации США будут стоить меньше в юанях.

Роль доллара в качестве доминирующей резервной валюты, скорее всего, сохранится, даже если его статус валюты платежей ослабнет.

С другой стороны, принадлежащие инвесторам США иностранные активы, на сумму примерно 35 трлн долларов, почти полностью выражены в иностранных валютах. Следовательно, увеличение стоимости этих валют относительно доллара означает, что при пересчете в доллары они стоят больше. Таким образом, хотя США являются чистым должником по отношению к остальному миру, падение стоимости их валюты приведет к тому, что США получат непредвиденную прибыль, а остальной мир понесет крупные потери. Значит, в обозримом будущем даже оппоненты доллара могут опасаться резкого падения его стоимости, поэтому мир остается в «долларовой ловушке».

Вывод состоит в том, что роль доллара в качестве доминирующей резервной валюты, скорее всего, сохранится, даже если его статус валюты платежей ослабнет, что само по себе является неопределенным.

Более вероятны перспективы изменения относительного значения других валют при сохранении долларом своего главенства. Вместо низведения доллара с пьедестала новые технологии и геополитические изменения могут укрепить его позиции. **ФР**

ЭСВАР ПРАСАД — профессор Школы им. Дайсона Корнельского университета, старший научный сотрудник Брукингского института, автор книги *The Future of Money: How the Digital Revolution Is Transforming Currencies and Finance* («Будущее денег. Как цифровая революция преобразует валюты и финансы»).

Ассамблея Лиги Наций в Женеве, 1933 год.

ПОТРЯСЕНИЯ И УРОКИ ИСТОРИИ

Возможности рождаются в результате кризисов, однако соединяющие их связи далеко не прямолинейны

Патриция Клавин

События последних лет, включая самые недавние, — пандемию COVID-19 и войну в Украине, заставили всех нас пристально взглянуть на некоторые опасности, присущие нашему взаимосвязанному миру. По всей видимости, в XXI веке наибольшая угроза для международной стабильности кроется в более тесной взаимозависимости наших обществ, увеличивающей возможность того, что шок, который возникает в какой бы то ни было точке мира, может приобрести системные масштабы.

История доказывает несостоятельность представления общества о том, что проблемы, порожденные этой растущей взаимосвязанностью мира, являются чем-то новым. В первой половине XX века мир не успевал оправляться от череды потрясений: Первая мировая война, испанский грипп, коммунистические революции, Великая депрессия с конкурирующими торговыми блоками и мировой геополитический кризис, порожденный державами «оси» и приведший ко Второй мировой войне.

После 1940 года стали предприниматься усилия, направленные на установление нового мирового порядка, центральным элементом которого стала Организация Объединенных Наций (ООН). Со временем непрерывный рост числа многосторонних все более специализированных организаций, по всей видимости, стал признаком успеха этих усилий, и к началу 2000-х годов преимущественно институционально закреплённого многостороннего подхода уже были самоочевидными и практически никем не ставились под сомнение.

В XXI веке представлению о том, что международные учреждения в состоянии предвидеть наступление шоков и регулировать их, наступил конец. Обвинения Всемирной организации здравоохранения в предвзятости, а ООН — в неспособности найти должный ответ в отношении войны в Украине привели к возрождению и усилению линий конфронтации времен холодной войны и разговорам о противопоставлении демократических и авторитарных государств. В то время как мир обращает взоры на Турцию и Китай, видя в них возможных посредников в прекращении войны, мировой порядок, установленный в 1945 году (и либеральные институты, олицетворяющие его), по всей видимости, столкнулся с наиболее серьезными рисками за всю свою историю. Эти события накладываются на реальные возможности наступления новых шоков, создающих чрезвычайную угрозу для политической стабильности, социальной сплоченности, перспектив экономического роста и природных систем, поддерживающих наше существование.

Регулирование будущих шоков

Эти беды обрушились после более чем двадцатилетнего периода, во время которого система ООН сталкивалась с серьезными трудностями. Проблемы самой ООН иногда отожд-

МНОГОЛЕТНИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ УЧИТ НАС, ЧТО ЛУЧШЕ ВОЗДЕРЖИВАТЬСЯ ОТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРИОДОВ В ВИДЕ ЭПОХ СТАБИЛЬНОСТИ ИЛИ КРИЗИСОВ, РАВНОВЕСИЯ ИЛИ ШОКОВ.

ествляются с деятельностью ее многочисленных специализированных учреждений. Они создают риск того, что система ООН может последовать путем Лиги Наций, первой межгосударственной организации в мире, которая во многом стала прообразом и краеугольным камнем учреждений ООН, появившихся после нее. Все стороны, принимающие участие в войне в Украине, утверждают, что история на их стороне, но можем ли мы извлечь какие-либо уроки из этой истории неудач, которые помогут нам справиться с будущими шоками?

Первое, и самое непосредственное, это то, что многолетний взгляд на историю учит нас, что лучше воздерживаться от представления исторических периодов в виде эпох стабильности или кризисов, равновесия или шоков. Первая половина XX века в такой же мере не была эпохой бесконечных потрясений, как и период холодной войны не был эпохой стабильности, то есть мирового порядка, на первый взгляд определяемого двумя сверхдержавами, Соединенными Штатами Америки и Союзом Советских Социалистических Республик, под согласованным надзором и управлением глобальных институтов. Краткий период однополярной власти США, последовавший за окончанием холодной войны, похожим образом скрывал за собой более запутанное положение дел. В настоящий момент происходит новое перераспределение власти, но не только в пользу Китая. Вероятность того, что Китай станет единственной доминирующей державой в XXI веке, не больше, чем в случае США в XX веке. В рамках дискуссии о способах регулирования будущих шоков акцент должен быть сделан на проблематике многополярности и неравномерного распределения глобальных ресурсов и власти.

Лучше заранее настроиться на то, что перед нами стоит задача преодоления последствий потрясений, а не относиться к каждому шоку как к чему-то отдельно взятому. Это подвигает нас к тому, чтобы избегать дихотомии между стабильностью и переменами, учитывать их различные хронологии и понимать взаимоотношения между различными видами шоков. Например, это поможет нам понять, что текущие перебои в поставках продовольствия и удобрений в Украине будут иметь последствия, которые переживут саму войну. Это то, что произошло после 1918 года, когда стремительное развитие заграничных рынков для США обернулось спадом с долгосрочными последствиями в отношении цен на пшеницу в Северной Америке, что сказалось на торговой и внешней политике Соединенных Штатов.

ФОТО: GETTY/ВЕТМАН

Такими же длительными оказались последствия перемещения населения в результате обеих мировых войн. На протяжении десяти или более лет после окончания этих войн Запад по большей части забыл о большом количестве перемещенных лиц из Центральной и Восточной Европы, которые продолжали проживать во временных лагерях. Европейская солидарность подвергнется серьезным рискам в том случае, если такие страны, как Польша, будут оставлены один на один с социально-экономическими проблемами, которые будут сохраняться еще немалое время.

Одним из основных, а возможно, и ключевым уроком неудачи международного сотрудничества и глобального управления на пути ко Второй мировой войне стала непреложная главенствующая роль политической экономии. На протяжении всех 1920-х и 1930-х годов предпринимались неоднократные усилия по внедрению новых международных норм и практик, которые могли бы содействовать координации и сотрудничеству между либеральными демократиями. Эта общая история (и знания, которые она породила) стала тем фундаментом, на котором был построен новый мировой порядок. И планирование этого порядка началось уже в 1940 году. Об этом следует помнить дипломатам XXI века, даже если в ближайшей перспективе главенствующее место по необходимости будет отводиться вопросам геополитики.

Украинские деятели культуры активно изучают историю своего культурного сопротивления Иосифу Сталину в конце 1920-х и в 1930-х годах в ходе очередного сопротивления российскому империализму. Это является ясным напоминанием о том, что мировой порядок не формируется политическими лидерами свыше. 1920-е годы в большей степени, чем любое предшествующее десятилетие, характеризовались волнами социальной мобилизации вокруг международных вопросов, связанных с войной и миром, с охватом всего политического спектра. Многие неправительственные организации, которые сейчас оказывают поддержку перемещенным гражданам Украины, выросли из локального, низового активизма. Недавние события указывают на серьезный сдвиг, сродни тому, который произошел в 1920-х годах, когда в различных регионах мира звучат призывы к справедливости, открывающие возможности для пробуждения интереса общества к международным организациям (а не только к активизму). Сейчас появляется новое поколение инициативных предпринимателей в сфере гуманитарной помощи, которые обрели авторитетный голос и могут содействовать в создании рамочной основы и поиске языка для более широкого обсуждения реформ, необходимых для выработки более действенных решений для наших общих задач.

От локального к глобальному

Какими же должны быть эти решения? Глобальная пандемия подчеркнула значимость локального для целей глобального. В ходе борьбы с эпидемиями тифа, холеры и туберку-

леза в 1920-х годах были созданы международные механизмы научного и гуманитарного сотрудничества, которое не прерывалось даже в те периоды, когда государства вели друг с другом войны. В рамках этих практик признавалась необходимость решительных мер по оказанию общемировой поддержки локальным, общинным программам, которая бы включала в себя экономическую и финансовую помощь, а также совершенствование системы здравоохранения. В 1945 году эта история привела к появлению новых учреждений глобального управления в областях здравоохранения и экономики, а именно Всемирной организации здравоохранения, Продовольственной и сельскохозяйственной организации, Международного валютного фонда и Всемирного банка, что стало одним из многочисленных примеров того, как в результате очередного шока практическая деятельность и институциональная структура глобального управления столкнулись с вызовами, были демонтированы и собраны заново.

Создание коллективных институтов глобального управления с нуля — чрезвычайно сложная задача. В 1945 году на место многоцелевой Лиги Наций пришли специализированные учреждения системы ООН, из чего следовало, что элементы и формы управления существуют отдельно друг от друга — здравоохранение, продовольствие, финансы, торговля, геополитика, перемещенные лица, изменение климата. События последних нескольких лет, в особенности пандемия COVID-19 и война в Украине, ясно показывают, что это не так. Осознание характера взаимосвязанности экономических и социальных вопросов должно стать ключевым элементом будущих усилий по предотвращению эскалации геополитической напряженности. В процессе составления планов на будущее (а нам необходимо заниматься планированием) мы обязаны уделять столь же пристальное внимание характеру взаимодействия шоков, таких как перемещение населения, болезни, геополитические конфликты, появление принципиально новых инновационных технологий и изменение климата, а также способам реализации и координации участия на межучрежденческом и государственном уровнях. Регулирование этих шоков не может быть отдано на откуп отдельным организациям, таким как Организация Североатлантического договора (НАТО) или МВФ.

Принципиально важно то, что война в Украине продемонстрировала значимость региональных институтов для целей глобального управления. Насчитывающие десятилетия и, по всем признакам, отжившие свой век вопросы о способах взаимодействия НАТО, Европейского союза, а также Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН для обеспечения безопасности людей теперь обрели второе дыхание. Если ключевым фактором является региональное управление, глобальные последствия появления новых региональных институтов, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, далеко не столь очевидны. Как показывают

история самой Организации Объединенных Наций, глобальное управление в значительной мере зависит от заданной траектории. Если это возвещает новую реформаторскую повестку дня и возможность для действий, то проблемы, обусловленные возвращением геополитики, пусть временами и пугающие, должны быть вполне знакомыми. В то время как многие комментаторы рассуждают о горьких уроках 1930-х годов и первых лет холодной войны, на самом деле политика силы формировала и ограничивала перспективы глобального управления на протяжении всего XX века. Осознание этого открывает возможность, поскольку это служит напоминанием о том, что аргументы за или против международного сотрудничества и организации являются конкурирующими попытками найти решения для общих дилемм. Война в Украине совершенно ясно показывает, что для всех государственных лидеров область международных отношений является той сферой, над которой они обладают наименьшим контролем. Как бы парадоксально это ни звучало, хотя война сигнализирует о провале диалога, она также служит уроком важности эффективного организационно-правового сотрудничества и дипломатии.

Дипломатические усилия необходимо сконцентрировать на решении наиболее актуальной задачи достижения такого мира, который бы обеспечил уважение суверенитета Украины и при этом удовлетворил ее (и России) потребности в области безопасности, однако последствия для репутации международного права и институтов также не должны игнорироваться. Преследование военных преступлений по понятным причинам является центральной темой общественных дискуссий. Однако одним из наиболее трудных вопросов по окончании Первой мировой войны стал поиск путей возобновления международной торговли после длительного периода санкций. Блокада Центральных держав союзниками содействовала появлению протекционистских правовых инструментов, которые тормозили восстановление мировой торговли до 1960-х годов. Протекционизм оказался живучим не только из-за бума и краха 1920-х и 1930-х годов, но и потому, что нормы и практики свободной торговли, разработанные странами-победительницами (в частности, Великобританией и Соединенными Штатами Америки), считались чудовищно несправедливыми. Хотя по условиям мира Германия и Австрия должны были полностью открыть свои экономики для свободной торговли, в тот же самый пункт о статусе наибольшего благоприятствования Парижских мирных договоров входили положения, позволяющие Великобритании и Соединенным Штатам усиливать свои протекционистские меры на законных основаниях. Со временем представление широкой общественности в Германии и Австрии о том, что союзники обеспечили себе особые условия, подорвало легитимность соглашения, а также репутацию демократически избранных государственных деятелей, которые подписали его в 1919 году. Это служит нам напоминанием о том, что, тогда как потребность в сотрудничестве

может быть самоочевидной, смысла, вкладываемый в понятие сотрудничества, таковым не является. Мы должны постоянно быть открытыми для альтернативных точек зрения по вопросам порядка и управления.

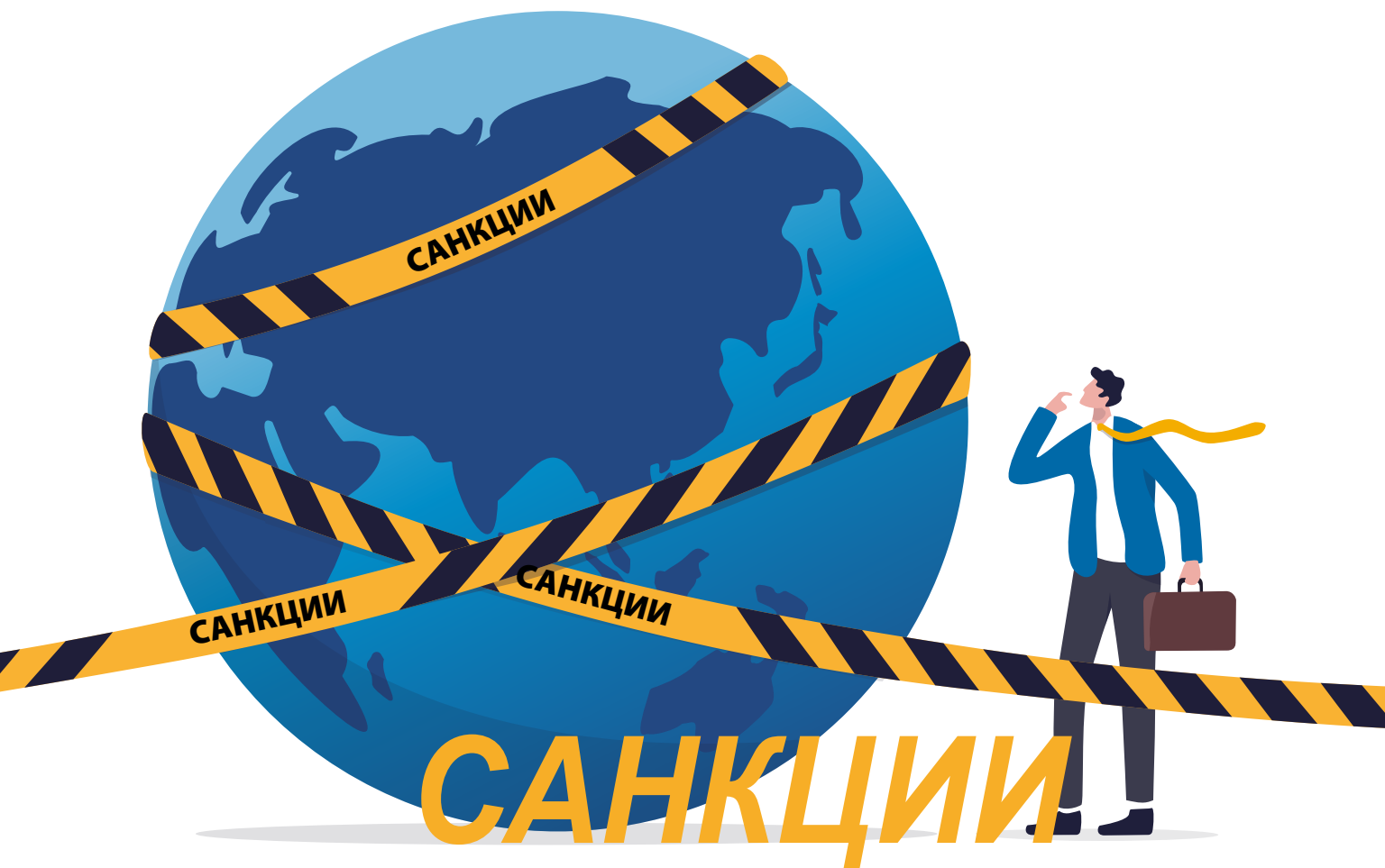
Наконец, следует помнить о том, что хотя австрийские и германские критики международной системы, возникшей после 1919 года, были недовольны условиями мира, эти государства оспаривали ее посредством механизмов

УКРАИНСКИЕ ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ АКТИВНО ИЗУЧАЮТ ИСТОРИЮ СВОЕГО КУЛЬТУРНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ИОСИФУ СТАЛИНУ В КОНЦЕ 1920-Х И В 1930-Х ГОДАХ В ХОДЕ ОЧЕРЕДНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ РОССИЙСКОМУ ИМПЕРИАЛИЗМУ.

Лиги Наций. Этот институт и мировой порядок столкнулись с экзистенциальной угрозой только тогда, когда правительство национал-социалистической партии, оставшейся маргинальной группой на протяжении всех 1920-х годов, решило бросить вызов Лиге, объединив силы с Японией и Италией, а Великобритания и Франция, в надежде предотвратить новую войну, потворствовали этой стратегии. Союзники, стремящиеся оказать помощь Украине, должны ссылаться на международное право и организации, его олицетворяющие, и прибегать к их помощи, признавая при этом необходимость в реформировании. Деятельность, осуществляемая за рамками этих организаций, в виде поспешных мер по достижению быстрого урегулирования, как это пытался сделать Невилл Чемберлен в Мюнхене в 1939 году, рискует нанести смертельный удар по мировому порядку, а также по перспективам мира.

Потрясения могут доводить людей, учреждения и государства до предела их возможностей. История показывает, что вместе с этим они способствуют проведению творческой, плюралистической и динамичной информационно-просветительской работы, которая приводит к новым формам сотрудничества, часто в самые мрачные часы истории. Давайте же оставаться целеустремленными, пусть даже и не всегда оптимистичными, перед лицом потрясений, которые будут еще какое-то время продолжаться в нашем мире. **ФР**

ПАТРИЦИЯ КЛАВИН — профессор современной истории Оксфордского университета и научный сотрудник Колледжа Вустер.

САНКЦИИ КАК ОРУЖИЕ

Экономические санкции ведут к более мощным, чем когда-либо, глобальным потрясениям, и их легче обойти.

Николас Малдер

С тридцатых годов прошлого столетия никакая экономика, аналогичная по масштабам российской, не подвергалась такому широкому спектру коммерческих ограничений, как те, что были введены в ответ на вторжение в Украину. Однако в отличие от Италии и Японии 1930-х годов, Россия сегодня является крупным экспортером нефти, зерна и других ключевых сырьевых товаров, и мировая экономика интегрирована в гораздо большей степени. В результате сегодняшние санкции имеют глобальный экономический эффект, намного превосходящий всё, что наблюдалось раньше. И масштабы этого эффекта

требуют пересмотра роли санкций как мощного инструмента политики с серьезными глобальными экономическими последствиями.

Санкции — единственный источник потрясений в мировой экономике. Цены на энергоносители растут с прошлого года, когда восстановление экономики после пандемии столкнулось с перегруженностью цепочек поставок. Мировые цены на продовольствие возросли на 28% в 2020 году и на 23% в 2021 году, а в этом году только за период с февраля по март они поднялись на 17%. Война также нанесла прямой ущерб Украине, поскольку в результате боевых действий были

закрыты черноморские порты страны, заблокирован экспорт пшеницы, кукурузы, подсолнечного масла и других товаров.

Последствия потери украинских поставок были усилены двумя еще более серьезными потрясениями: санкциями, введенными против России правительствами 38 стран Северной Америки, Европы и Азии, и реакцией на эти меры со стороны глобальных компаний и банков. Этот шквал юридических, коммерческих, финансовых и технологических ограничений резко затруднил доступ России к мировой экономике. В результате также значительно расширилась номенклатура товаров из обеих стран, которые более не попадают на мировые рынки. Широкомасштабные санкции против России, в сочетании с мировым кризисом цепочек поставок и сбоями в торговых потоках Украины в результате военных действий привели к уникальному по силе экономическому потрясению. Дополнительные санкции в отношении российского экспорта нефти и газа еще больше усугубят эти последствия.

Иная категория

Взгляд на минувшее столетие экономической истории еще более проясняет значение санкций против России. Даже самые суровые санкционные режимы времен холодной войны, такие как санкции ООН и Запада против Родезии (ныне Зимбабве) и Южной Африки времен апартеида, или санкции США против Кубы и Ирана, не были направлены на крупные экономики. Некоторые из действующих в настоящее время санкционных режимов являются более жесткими, чем те, которые направлены против России, — особенно санкции в отношении Ирана, Северной Кореи и Венесуэлы. Но доля этих стран в мировой экономике и международной торговле существенно меньше.

Влияние санкций на Россию входит в совершенно иную категорию. Россия является 11-й по величине экономикой мира, и ее роль главного экспортера сырьевых товаров среди стран с формирующимся рынком даёт ей структурно значимое положение. Среди стран с развитой экономикой только США, Канада и Австралия занимают сопоставимое место на мировых рынках энергетики, сельского хозяйства и металлов. Более того, после окончания холодной войны более чем два десятилетия развития интеграции сделали российскую экономику в большой степени открытой, и соотношение объема торговли к ВВП в ней составляет 46 процентов, согласно данным Всемирного банка. В 2020 году среди семи крупнейших стран с формирующимися рынками только у Мексики и Турции этот показатель был выше (78 и 61 процент).

Тридцатые годы прошлого столетия были единственным десятилетием, когда санкции были введены против государств, обладающих аналогичным весом в мировой экономике. В пределах полутора месяцев после вторжения Бенито Муссолини в Эфиопию в октябре 1935 года Лига Наций разработала пакет санкций против Италии, восьмой по величине экономики мира. В то время пакет санкций был реализован 52 из примерно 60 суверенных государств мира (Ваг, 1976). Эти меры включали эмбарго на поставки оружия, замораживание финансовых операций и запрет на экспорт ряда сырьевых товаров, жизненно важных для военного производства.

Но самой значительной мерой стал запрет на любой импорт из Италии. Это стало возможным потому, что структурный дефицит счета текущих операций итальянской экономики означал, что такой запрет наносил Италии больший ущерб, чем странам, наложившим санкции.

Завоевательные войны

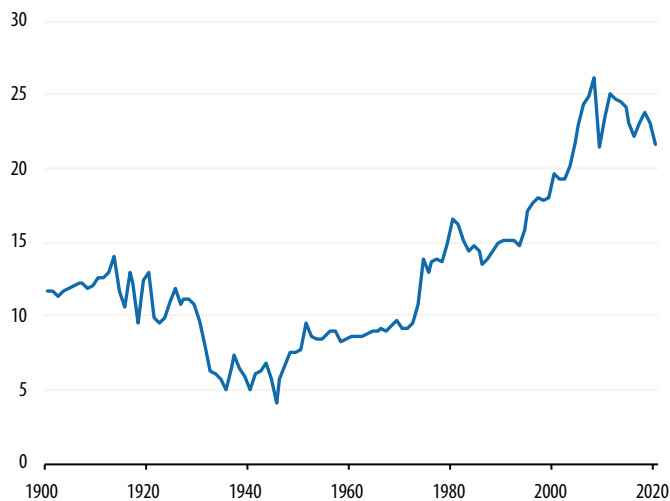
С октября 1935 года по июнь 1936 года промышленное производство Италии снизилось на 21,2 процента, а за первые пять месяцев действия санкций экспорт упал на 47 процентов, после чего стабилизировался на уровне примерно двух третей от досанкционного уровня. Запрет, введенный Лигой Наций на импорт из Италии, привел к росту мировых цен на такие продукты питания, как мясо, фрукты и масло, а также на сырье и промышленные товары, такие как шерсть, текстиль и кожаные изделия. Очень важно то обстоятельство, что санкции не помешали Италии завоевать Эфиопию, во многом потому, что США и Германия, соответственно, крупнейшая и третья по величине экономики мира, не были членами Лиги Наций и не присоединились к санкциям. В результате Италия продолжала импортировать уголь и нефть (Ristuccia, 2000) и выстояла в течение восьмимесячного периода серьезных трудностей.

В конце 1930-х годов Япония была седьмой по величине экономикой мира, а в отношении торговли она была даже более открытым государством, чем Италия. В период с лета 1939 года по август 1941 года растущая коалиция западных государств, стремящихся сдержать завоевательную войну Японии в Китае, ввела санкции, которые постепенно сокращали число доступных торговых партнеров (Maddison, 2006). Начало Второй мировой войны заставило Британскую империю и ее колонии и доминионы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Индия, Австралия, Новая Зеландия и Канада) ограничить экспорт стратегического сырья и в приоритетном порядке использовать его внутри империи.

Таким образом, к концу десятилетия Япония в еще большей степени, чем прежде, зависела от импорта сырья (особенно нефти, железной руды, меди и металлолома) из крупнейшей тихоокеанской экономики, сохранившей нейтралитет, — США. В ответ на японские завоевания в 1940 и 1941 годах Соединенные Штаты постепенно усиливали принимаемые ими экономические меры, пока, наконец, не ввели полное нефтяное эмбарго вместе с Британской империей и Нидерландами. Они также заморозили резервы в йенах, хранящиеся в США (Miller, 2007). К концу 1941 года объем торговли Японией сократился на 20–25 процентов, причем всего за 18 месяцев. Столкнувшись с риском утери доступа к ключевым импортным товарам, Япония напала на Соединенные Штаты и европейские колонии в Юго-Восточной Азии, чтобы получить сырье, необходимое для поддержания ее военной машины. Если Италия подверглась наиболее сильному воздействию эмбарго против ее экспорта, что ослабило ее способность зарабатывать иностранную валюту, то Япония в большей степени пострадала от замораживания иностранных активов и запрета на приобретение жизненно важных импортных товаров у единственного оставшегося у нее крупного торгового партнера.

Рост значения торговли

Доля торговли в мировом производстве сегодня намного выше, чем в 1930-е годы. (Товарный экспорт как процент мирового ВВП)

Источник: Ортис-Оспина, Эстебан и Диана Белтекан, 2018. «Торговля и глобализация». «Наш мир в данных»; и Всемирный банк, 2020. «Экспорт товаров и услуг». Данные Всемирного банка и Организации экономического сотрудничества и развития, Вашингтон, округ Колумбия.

Глобальная обстановка

Потрясение, вызванное Великой депрессией, в значительной мере подорвало доверие и сотрудничество, которые лежали в основе международной политической стабильности. Торговые войны переросли в дипломатические споры, положив начало тенденции к формированию политических и экономических блоков. В качестве хранителя порядка, установившегося после Первой мировой войны, Лиге Наций предстояло применять санкции против государств, угрожающих миру на планете. Санкции показали, что западные державы сохраняют значительный вес в мировой экономике. Но неблагоприятные обстоятельства Депрессии и отсутствие международного сотрудничества в налогово-бюджетной и денежно-кредитной сферах привели к тому, что санкции создали дополнительную напряженность и в конечном итоге оказались неспособными сохранить мир.

Эти события, произошедшие в период между двумя мировыми войнами, показывают, что глобальная экономическая среда определяет форму, которую могут принимать санкции, и формирует их эффект. Великая депрессия характеризовалась аграрным кризисом, денежным крахом и спадом в торговле. Эти события привели к сокращению мирового экспорта, раздроблению валютных блоков и глобальной дефляции цен на протяжении большей части периода между 1928 и 1939 годами. С одной стороны, это означало, что экспорт-

ные поступления были ниже, как и издержки расстыковки. С другой стороны, это удешевило импорт, обеспечив сохранение базового уровня доступа к металлам, продуктам питания и энергии. Санкции вводились в мире, характеризующемся ростом автаркии, где взаимозависимость между национальными экономиками снизилась до жизненно необходимого минимума. Таким образом, в 1930-е годы санкции нанесли лишь умеренный ущерб и без того ослабленной потрясениями мировой экономике. Но они угрожали источникам средств существования наций в достаточной степени, для того чтобы стать стимулом к военной эскалации.

Напротив, сегодня соотношение торговли и ВВП в мире гораздо выше (см. рисунок), и оно поддерживается высокой степенью интеграции мировой финансовой системы, основанной на долларе США. Вместо дефляции рынки по всему миру испытывают сильное инфляционное давление. Высокие цены на сырьевые товары приносят непредвиденные прибыли экспортерам, одновременно побуждая страны — импортеры энергоресурсов к переходу на возобновляемые источники энергии. Между тем, возросшая интеграция финансовых рынков делает потоки капитала из стран с развитой экономикой решающим фактором роста и инвестиций в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах. Сегодняшняя мировая экономика получает значительные выгоды от такой взаимозависимости, поскольку торговля обеспечивает занятость большому числу работников, а импортные товары можно ввозить из большего количества мест. Но в ней также имеется и больше уязвимых мест, поскольку узловые точки в потоках товаров, финансовых операций и технологий могут быть заблокированы проблемами с цепочками поставок или стать объектом правительственных санкций.

Затраты в сравнении с рисками

Результатом этих изменений является то, что сегодня санкции могут нанести более серьезный коммерческий ущерб, чем когда-либо прежде, но они также могут быть ослаблены новыми способами посредством переориентации торговли и мер для их обхода. В то же время современные санкции представляют собой менее прямую угрозу, чем в 1930-е годы, что снижает риски военной эскалации. При этом более обширная рыночная интеграция расширила пути, по которым вызванные санкциями потрясения распространяются на мировую экономику. Тем самым глобализация XXI века увеличила экономические издержки применения санкций против крупных, высоко интегрированных экономик. Она также многократно увеличила способность этих стран предпринимать экономические и технологические, а не военные контрмеры. В целом, характер рисков и издержек, связанных с санкциями, изменился, но каналы передачи их воздействия — более высокие цены на то-

вары и транзакционные издержки, более значительные узкие места в поставках и торговые убытки — остались прежними и затрагивают больше людей во всем мире.

Быстро становится очевидным, насколько значительны вторичные эффекты санкций, введенных против стран, занимающих верхние позиции в мировой экономике. По мере того как санкции выводят российский сырьевой экспорт с мировых рынков, это подталкивает цены вверх, оказывая давление на расходы на импорт и ограниченные государственные финансы стран с формирующимся рынком и развивающихся стран, являющихся чистыми импортерами сырьевых товаров. Неудивительно, что именно эти страны не присоединились к санкциям против России, поскольку они больше всего подвержены риску кризиса платежного баланса, если санкции против российского экспорта будут ужесточаться в течение длительного периода времени.

Сегодня у политиков есть все необходимое, чтобы избежать повторения 1930-х годов. Поскольку уровень экономической интеграции сегодня намного выше, потребуется гораздо больше сбоев, чтобы материализовались опасения по поводу деглобализации. Существует больше достаточно богатых экономик, чтобы обеспечить альтернативные источники поставок, а также экспортные рынки для стран, вынужденных прекратить торговлю с Россией. Страны с развитой экономикой располагают более совершенными инструментами налогово-бюджетной политики, чем в начале XX века, и обладают большим бюджетным пространством, чем страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны. Воспользуются ли они этими преимуществами для компенсации огромной нагрузки, которую санкции оказывают на мировую экономику, в конечном счете, является политическим решением. Многие страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны сталкиваются с острой комбинацией проблем: высокий уровень задолженности, высокая стоимость перехода к возобновляемым источникам энергии, рост процентных ставок и глобальная стагфляция. Правительства стран «Группы семи» и ЕС, вводящие санкции, должны серьезно отнестись к задаче оказания таким странам экономической поддержки.

Согласованные меры по противодействию вторичным эффектам санкций против России отвечали бы интересам благополучия населения планеты и стабильности мировой экономики. Этому может способствовать ряд корректировок в политике. Во-первых, странам с развитой экономикой следует сосредоточиться на долгосрочных инвестициях в инфраструктуру, чтобы ослабить давление на системы поставок, а странам с формирующимся рынком и развивающимся странам следует внести в число приоритетов поддержку доходов. Во-вторых, центральным банкам развитых стран следует избе-

гать быстрого ужесточения денежно-кредитной политики, чтобы предотвратить бегство капитала из стран с формирующимися рынками. В-третьих, надвигающиеся проблемы в сфере задолженности и платежного баланса в развивающихся странах можно решать за счет реструктуризации долга и увеличения объема выделяемых им специальных прав заимствования МВФ, своего рода международной резервной валюты.

Более обширная рыночная интеграция расширила пути, по которым вызванные санкциями потрясения распространяются на мировую экономику.

В-четвертых, следует предоставить гуманитарную помощь странам с тяжелыми проблемами в экономике, особенно в виде продовольствия и лекарственных препаратов. В-пятых, основным экономическим блокам мира следует делать больше для организации своего спроса на продовольствие и энергию, чтобы снизить давление на цены в результате практики накопления запасов и подачи завышенных конкурентных предложений.

Если в ближайшие несколько месяцев не реализовать такие меры политики, серьезные опасения относительно перспектив развития мировой экономики на 2022 год и далее окажутся оправданными. Настало время привести наши представления о последствиях санкций для глобальной экономической стабильности в соответствие с новыми реалиями экономического принуждения. **ФР**

НИКОЛАС МАЛДЕР — доцент кафедры истории современной Европы в Корнельском университете, автор книги *The Economic Weapon: The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War* («Экономическое оружие: рост санкций как инструмента современной войны»).

Литература:

Baer, George W. 1976. *Test Case: Italy, Ethiopia, and the League of Nations*. Stanford, CA: Hoover Institution Press.

Maddison, Angus. 2006. *The World Economy, Volume 2: Historical Statistics*, 550. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development.

Miller, Edward S. 2007. *Bankrupting the Enemy: The U.S. Financial Siege of Japan before Pearl Harbor*. Annapolis, MD: Naval Institute Press.

Ristuccia, Cristiano Andrea. 2000. "The 1935 Sanctions against Italy: Would Coal and Oil Have Made a Difference?" *European Review of Economic History* 4 (1): 85–110.

ОСТАНЕТСЯ ЛИ ИНФЛЯЦИЯ *ВЫСОКОЙ?*

Ответ на этот вопрос зависит от распределения шоков для экономики и от того, как будут реагировать центральные банки

Ручир Агарвал и Майлз Кимбалл

Наблюдающееся в последнее время во всем мире ускорение инфляции для многих стало сюрпризом. К середине 2022 года как общий уровень инфляции (цены всех товаров и услуг), так и базовая инфляция (за вычетом продовольствия и энергии) в большинстве стран значительно превысили целевые показатели. Согласно стандартной экономической теории, инфляция

может выйти из-под контроля при длительном сохранении сочетания определенных мер денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, однако вопрос о том, сохранится ли инфляция на таком уровне, требует дальнейшего исследования. Ответ на него зависит как от распределения шоков для экономики, так и от того, как будут реагировать центральные банки (и министерства финансов).

Устойчивость инфляции

Вопрос о том, почему темпы инфляции высоки и станет ли она устойчивой, сейчас активно обсуждается. Мы видим пять ключевых драйверов нынешнего всплеска инфляции, которые имеют отношение к этому обсуждению.

Во-первых, узкие места в цепочках поставок. Пандемия оказала двоякое воздействие на глобальные цепочки поставок. На ее ранней стадии локдауны и ограничения свободы передвижения привели к сильным разрывам в различных цепочках поставок, вызвав краткосрочный дефицит. Многие из этих нарушенных связей с тех пор наладились, однако недавний всплеск штамма Омикрон в Китае и в других странах вновь начал оказывать давление на некоторые цепочки поставок. На более поздней стадии пандемии, однако, в цепочках поставок возникли различные узкие места. Согласно недавней оценке Rees and Rungcharoenkitkul (2021), самые узкие места затрагивают сырье, товары промежуточной переработки и грузовой транспорт. Станут ли они устойчивыми? Одним из показателей состояния глобальных цепочек поставок является то, сколько времени занимает транспортировка товаров морем согласно Показателю своевременности океанских перевозок Flexport. На конец апреля 2022 года эти показатели оставались близкими к своим историческим максимумам, что говорит о том, что давление может сохраняться как минимум еще какое-то время.

Во-вторых, смещение спроса от услуг к товарам. Пандемия первоначально вызвала значительное изменение того, что именно покупают потребители; расходы на товары стремительно возросли. В результате значительная часть первоначального подъема инфляции отражала рост цен на товары длительного пользования (включая автомобили с пробегом), в то время как инфляция услуг ускорилась лишь умеренно. Возможно, такие сдвиги будут сохраняться только в течение активной фазы пандемии, но по меньшей мере часть сдвига спроса от услуг к товарам может стать устойчивой с учетом того, как пандемия переформатировала все общество. Хотя сдвиг в пользу товаров длительного пользования произошел в масштабах всего мира, некоторые страны почувствовали на себе его влияние сильнее других (например, благодаря взрывному росту спроса на автомобили с пробегом в США).

В-третьих, совокупные меры стимулирования и постпандемийное восстановление. В глобальных масштабах для борьбы с пандемией было объявлено о налогово-бюджетных мерах на сумму 16,9 трлн долларов США, причем в развитых экономиках эта поддержка была относительно большей по объему. Только в Соединенных Штатах налогово-бюджетное стимулирование (Американский план спасения) составило 1,9 трлн долларов. Группа, известная под названием «Команда Устойчивость», предупреждала о том, что мощная программа налогово-бюджетного стимулирования приведет к высокой и устойчивой инфляции. Название этой группы восходит к предупреждениям об инфляции, сделанным в начале 2021 года, среди прочих, Лэрри Саммерсом и Оливье Бланшаром (Summers, 2021). Наблюдатели, ставшие известными под названием «Команда Переходность», возражали против этой точки

зрения и утверждали, что инфляционные последствия государственных программ стимулирования, скорее всего, будут временными или незначительными. К концу года фактические данные по нескольким странам стали указывать на правоту «Команды Устойчивость». Домашние хозяйства тратили накопленные на более ранней стадии пандемии сбережения (созданные в том числе благодаря стимулам и трансфертам), что привело к всплеску совокупного спроса и более активному, чем ожидалось, восстановлению экономики. Сохранение высокого совокупного спроса будет в конечном итоге зависеть от того, какотреагирует центральный банк. Эта тема по-прежнему дает пищу для ожесточенных споров, к которым мы еще вернемся в одном из следующих разделов.

В-четвертых, шок предложения рабочей силы. Вызванные пандемией сбои на рынке трудовых ресурсов сохраняются и спустя два года после ее начала. В нескольких странах коэффициент участия населения в рабочей силе остается

Исторические данные свидетельствуют о том, что нам не грозит неконтролируемый всплеск инфляции больше чем на пару ближайших лет.

ниже допандемийных уровней. Среди стран с развитой экономикой этот эффект относительно сильнее проявляется в США, где коэффициент участия сейчас примерно на 1,5 процента ниже, чем до пандемии (то есть работников стало примерно на 4 миллиона меньше). Сохранится ли этот шок? Мнения на этот счет разделились. В своем недавнем тематическом документе (Domash and Larry Summers, 2022) Алекс Домэш и Лэрри Саммерс исследуют различные показатели рынка трудовых ресурсов и приходят к выводу о том, что «даже при оптимистичных итогах COVID-19 большая часть дефицита рабочей силы, вероятно, сохранится» и «будет вносить значительный вклад в инфляционное давление в США на протяжении некоторого времени».

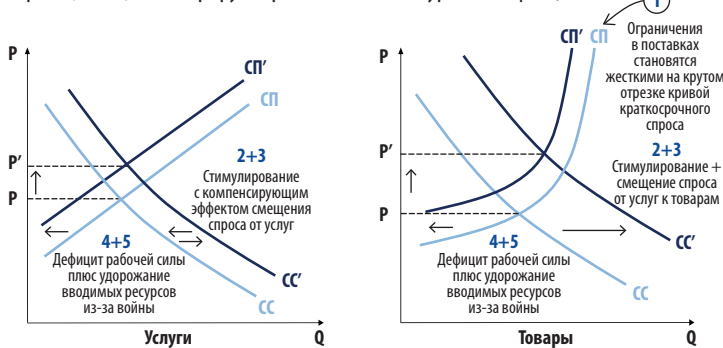
В-пятых, шоки предложения на рынках энергоносителей и продовольствия из-за российского вторжения в Украину. Вторжение привело к повышению цен на энергоносители и продовольствие, что способствовало ускорению инфляции во всем мире. И Россия, и Украина являются экспортными крупнейшими сырьевых товаров, и вызванные войной и санкциями нарушения поставок привели к сильному росту глобальных цен, особенно на нефть и природный газ. Подскочили и цены на продовольствие. Цены на пшеницу находятся на рекордных уровнях — на Украину и Россию приходится 30 процентов мирового объема экспорта пшеницы. Эти эффекты могут привести к тому, что инфляция сохранится дольше, чем первоначально ожидалось. Вероятно, воздействие будет более сильным на страны с низкими доходами и с формирующимся рынком, где продовольствие

Рисунок 1

Почему уровень инфляции высок?

Традиционная кривая соотношения совокупного предложения и совокупного спроса (СП-СС) иллюстрирует причины высокого уровня инфляции.

Пять факторов, объясняющих высокую инфляцию в настоящее время

1. Ограничения в поставках являются жесткими для различных видов продукции.
2. Смещение спроса от товаров к услугам; противоположный эффект в отношении спроса на услуги и товары.
3. Стимулирование + восстановление смещают кривую спроса вправо.
4. Дефицит рабочей силы приводит к смещению кривой предложения влево.
5. Шоки предложения сказываются на поставках энергоносителей и продовольствия в результате войны в Украине.

Источник: авторы.

и энергоносители составляют более высокую долю потребления (доходящую в Африке, например, до 50 процентов).

Мы иллюстрируем эти пять эффектов с помощью классических кривых совокупного предложения и спроса (СП-СС) (см. рис. 1). Хотя методика СП-СС следует традиционным подходам, она тем не менее полезна и для анализа текущей ситуации. Эффекты пяти драйверов инфляции отображены раздельно для рынков товаров и рынков услуг.

В целом, несмотря на значительные различия между странами, инфляция ускорилась практически во всем мире. Основные моменты неопределенности сегодня связаны с продолжительностью ограничений рынка трудовых ресурсов и сохранения узких мест в цепочках поставок, а также с тем, как центральные банки будут реагировать на высокие темпы инфляции.

Реакция центральных банков

Как же центральные банки будут реагировать на инфляцию? Если обратиться к прошлому опыту и экстраполировать его на будущее, будет полезно сначала рассмотреть то, как центральные банки действовали до пандемии. До конца 1970-х годов центральные банки относились к инфляции более терпимо. Но впечатляющая дезинфляция в Великобритании при Маргарет Тэтчер (еще до того, как Банк Англии получил операционную независимость) и в США в результате действий ФРС при Поле Волкере совершила революцию в том, как центральные банки реагируют на инфляцию. Этим двум ярким примерам вскоре последовали многие другие центральные банки, что привело к снижению инфляции в большей части мира к середине 1980-х годов. Это потребо-

вало значительных институциональных реформ в плане независимости центральных банков, а от некоторых из них — способности идти наперекор воле политиков и успешно отстаивать свою фактическую независимость.

Кроме того, различные реформы позволили ввести в штат центральных банков экономистов и других специалистов, получивших подготовку в области причин «Великой инфляции» 1970-х годов и методов ее обуздания, что, вероятно, также сыграло свою роль в этой центробанковской революции.

Наш анализ показывает, что лишь очень немногие из стран, взявших инфляцию под контроль, впоследствии столкнулись со всплеском неконтролируемой устойчивой инфляции. То есть очень немногие страны, протрезвев после высокой инфляции (или оставаясь трезвыми до начала 1990-х годов), скатились к прежнему. В этом есть заслуга и институциональных реформ, которые позволили центральным банкам противостоять политическому запросу на генерирование роста за счет открытия вентиля инфляции в нужные моменты.

Говоря про это, мы используем конкретные определения для некоторых из наших эмпирических упражнений. «Взятие инфляции под контроль» определяется как трехлетний срок начиная с 1990 года, в течение которого квартальная инфляция остается ниже 4 процентов. Когда какой-либо центральный банк впервые достигает этого показателя, мы называем это его Месяцем Голубой фишки. Члены «Анонимных алкоголиков» и других 12-шаговых групп обычно получают специальный жетон или «фишку» трезвости, отмечающие срок, в течение которого они воздерживаются от алкоголя. Эти фишки должны их мотивировать продолжать в том же духе. Аналогичным образом, наш Месяц Голубой фишки отмечает три года инфляционной трезвости центральных банков.

Мы не изучаем страны с низкими доходами и страны с формирующейся рыночной экономикой, поскольку только очень немногие из них достигли статуса Голубой фишки. На сегодняшний день единственной страной — членом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), еще не достигшей этой вехи, является Турция. Под «всплеском неконтролируемой инфляции» мы понимаем 36-месячный период инфляции выше 4 процентов. В целом, если центральный банк страны-члена ОЭСР зарабатывает Голубую фишку, он редко возвращается к неконтролируемой устойчивой инфляции — если только не сталкивается с финансовым кризисом эпических масштабов (как, например, в Исландии и странах Балтии в ходе мирового финансового кризиса). Это можно видеть на рис. 2, показывающем наихудшие трехлетние эпизоды инфляции в каждой стране-члене ОЭСР после получения ими статуса Голубой фишки.

Одним из показателей глубоко укоренившихся антиинфляционных настроений является относительная редкость, с которой сотрудники центральных банков призывают к повышению целевых показателей инфляции. В целом же, по нашему мнению, за исключением масштабного кризиса, центральному банку пришлось бы забыть о своей нелюбви к инфляции, чтобы инфляция вышла из-под контроля.

Кроме того, одним из последствий нулевой нижней границы является то, что фактическая реакция центральных

банков на инфляцию выше и ниже 2-процентного целевого показателя крайне асимметрична. Центральные банки толерантны к инфляции ниже 2 процентов, но действуют так, как если бы издержки инфляции выше 2 процентов для благосостояния были высокими. Одним из последствий этого асимметричного отношения является то, что со временем инфляционные ожидания постепенно сместились вниз (в нескольких странах даже ниже 2 процентов) и относительно укоренились, снизив вероятность ослабления их фиксации в случае кратковременной высокой инфляции.

Что нас ждет впереди?

Продолжительность нынешнего инфляционного эпизода будет зависеть, во-первых, от взаимосвязи устойчивости ограниченного рынка трудовых ресурсов и узких мест в цепочках поставок с реакцией центральных банков и, во-вторых, от продолжительности войны в Украине и ее влияния на цены энергоресурсов и продовольствие и на глобальные темпы роста. Исторические данные свидетельствуют о том, что нам не грозит неконтролируемый всплеск инфляции больше чем на пару ближайших лет. (Однако некоторые страны, скорее всего, утратят свой статус Голубых фишек — в значительной мере из-за инфляции, которая уже имела место во время пандемии.) И все же эта оценка может оказаться неверной по ряду причин.

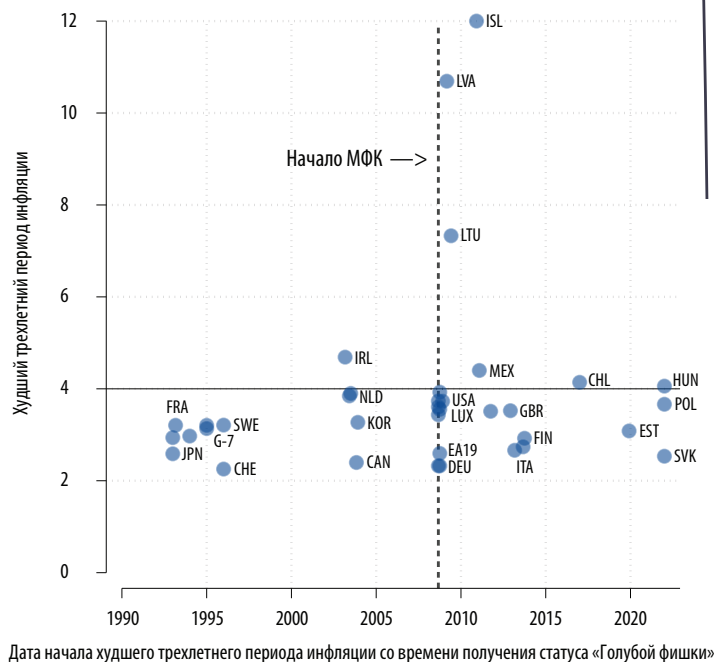
Во-первых, нелюбовь центральных банков к инфляции может быть подавлена такими факторами, как сохраняющееся долгосрочное воздействие пандемии, неопределенность относительно перспектив восстановления экономики и соблазн разделаться с возросшим в глобальных масштабах долговым бременем с помощью инфляции. Выступающие с призывами воздержаться от преждевременного завершения экономического восстановления приводят в качестве аргумента пониженный коэффициент участия в рабочей силе по сравнению с допандемийными уровнями. Неясен и ответ на вопрос, изменилась ли функция реакции в постпандемийный период. Хотя центральные банки стран с развитой экономикой могут по-прежнему не любить инфляцию, их нынешние заявленные планы — как явствует из их текущих точечных графиков (или их эквивалентов) — могут отставать от того, что было бы необходимо для возвращения инфляции в ее прежнее русло. Стандартные расчеты по Правилу Тейлора показывают, что в ряде стран меры по сокращению инфляции вполне могли бы потребовать повышения процентных ставок до целых 7 процентов.

Во-вторых, Джон Кохрейн (Varadarajan, 2022) утверждает, что повышение процентных ставок для борьбы с инфляцией — это грубый инструмент, особенно если ее источником является налогово-бюджетная политика. Он сравнивает сохранение мягкой налогово-бюджетной политики и использование повышенных процентных ставок для контроля над инфляцией с водителем автомобиля, пытающимся давить на газ и на тормоз одновременно. Фактически он утверждает, что если люди начнут сомневаться в намерении правительства погашать свой долг без инфляционного дисконта, инфляция может намного ускориться.

Рисунок 2

Худший трехлетний период инфляции в странах ОЭСР с «месяца голубых фишек»

После получения статуса «Голубой фишки» страны редко вновь переживают случаи неконтролируемой устойчивой инфляции, кроме ситуаций крупномасштабного финансового кризиса.

Источник: расчеты авторов с использованием данных Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Банка международных расчетов.
Примечание. В обозначениях использованы коды стран, принятые Международной организацией по стандартизации (ИСО). EA19 — зона евро; G-7 — Группа семи; МФК — мировой финансовый кризис.

Несмотря на шоки для мировой экономики, поведение инфляции после 2025 года зависит в основном от двух вещей: степени решимости центральных банков взять инфляцию под контроль и уверенности рынка облигаций в том, что правительства твердо намерены оплачивать свои долги без того, чтобы сокращать их с помощью инфляции. **ФР**

РУЧИР АГАРВАЛ — старший экономист Исследовательского департамента МВФ. **МАЙЛЗ КИМБАЛЛ** — профессор Университета Колорадо, Болдер.

Эта статья — одна из трех частей серии о будущем инфляции, доступной онлайн по адресу www.imf.org/fandd.

Литература:

Domash, A., and L. H. Summers. 2022. "How Tight Are US Labor Markets? NBER Working Paper 29739, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA.
 Krugman, P. 2021. "The Year of Inflation Infamy." New York Times, December 16.
 Rees, D., and P. Rungcharoenkitkul. 2021. "Bottlenecks: Causes and Macroeconomic Implications." BIS Bulletin 48.
 Summers, L. 2021. "The Biden Stimulus Is Admirably Ambitious, but It Brings Some Big Risks Too." Washington Post, February 4.
 Varadarajan, Tunku. 2022. "How Government Spending Fuels Inflation." Wall Street Journal, February 18.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС В МИРЕ

Три усугубляющих друг друга кризиса (конфликт, пандемия COVID и изменение климата) ведут к еще одному — голоду.

В 2021 ГОДУ ЦЕНЫ НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ ПОВЫСИЛИСЬ

на 23 процента, положив конец нескольким годам относительной ценовой стабильности, отчасти вследствие негативного влияния экстремальных погодных явлений на урожай и роста расходов на электроэнергию. Затем в конце февраля началось вторжение России в Украину, в связи с которым цены поднялись до рекордно высоких уровней вследствие нарушения потоков биржевых товаров от двух крупнейших в мире экспортеров пшеницы и других основных видов продовольствия.

В результате вторжения остановилась работа в некогда оживленных черноморских портах Украины и опустели поля, а также были ограничены возможности России экспортировать товары. На эти две страны приходится четверть мирового экспорта пшеницы и одна пятая экспорта ячменя и кукурузы, а также более половины экспорта подсолнечного масла. Из них поступает примерно одна восьмая от всех потребляемых в мире калорий.

Важно отметить, что цены на продовольствие растут на фоне и вследствие других значительных трудностей в мировой экономике. Инфляция повышается, а пандемия по-прежнему

мешает функционированию цепочек поставок, при этом изменение климата создает угрозу для производства во многих сельскохозяйственных регионах мира из-за роста числа засух, наводнений, случаев жары и лесных пожаров.

Помимо срыва производства и поставок продовольствия, в основном из Украины, война также наносит ущерб мировому производству продовольствия, затрагивая производство удобрений, которые и без того обходятся дороже из-за роста цен на энергоносители. Россия и Украина являются крупнейшими производителями калийных подкормок для сельскохозяйственных культур, а из-за войны цены на них взлетели.

Более того, цены на природный газ, который играет ключевую роль в производстве удобрений, также подскочили вследствие войны. Ввиду совокупности этих факторов цены на продовольствие, скорее всего, останутся повышенными и в следующем году, поскольку урожайность снизится, если сократится использование удобрений, и выращивать продовольствие станет дороже.

Протекционизм также является серьезным поводом для беспокойства. Многие страны приостанавливают поставки зерна

Высокие как никогда

Мировые цены на продовольствие оставались относительно стабильными в течение нескольких лет, после чего взлетели на фоне экстремальных погодных явлений и нарушений, связанных с пандемией, и еще больше повысились до новых рекордных значений в марте 2022 года после вторжения России в Украину.

(Реальный индекс цен на продовольствие, 2014–2016 годы = 100)

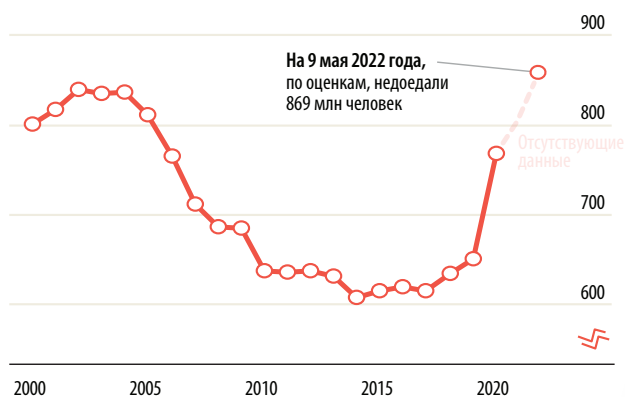
Источник: Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО).

и пищевых масел, возможно, из-за страха социальных волнений. По данным Международного исследовательского института продовольственной политики, уже почти два десятка стран ввели ограничения на экспорт.

Это сочетание условий создает мрачные перспективы мирового голода. Уровни недоедания — число людей, которые не могут удовлетворить долгосрочные потребности в потреблении продовольствия, — стремительно повысились при-

Двадцать лет вспять

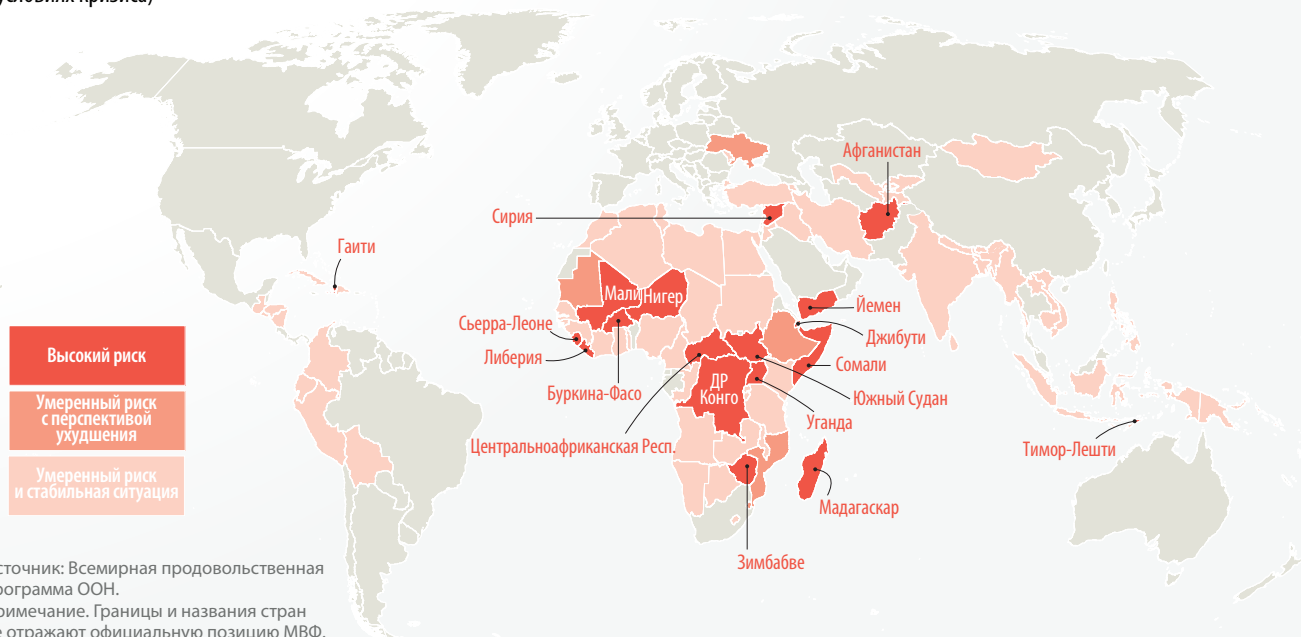
Число людей, потребляющих недостаточное количество пищи, вернулось к значениям начала 2000-х годов. (Недоедание, в миллионах человек)

Источник: база данных ФАОСТАТ ООН и Всемирная продовольственная программа.
Примечание. 2000–2020 годы — годовые данные из базы ФАОСТАТ. Точка 9 мая 2022 года — оценочное значение по карте HungerMapLIVE Всемирной продовольственной программы.

Очаги голода

Согласно карте HungerMapLIVE Всемирной продовольственной программы, по состоянию на 9 мая 2022 года 24 страны относились к зонам высокого риска или умеренного риска с перспективой ухудшения. (Уровни риска по преобладанию недостаточного потребления пищи и домашних хозяйств с потреблением продовольствия на уровне выживания в условиях кризиса)

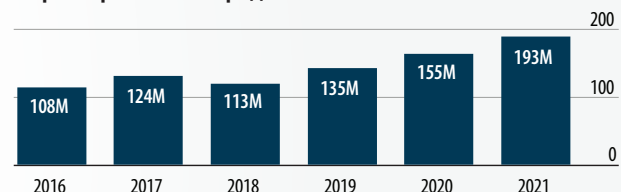

Источник: Всемирная продовольственная программа ООН.
Примечание. Границы и названия стран не отражают официальную позицию МВФ.

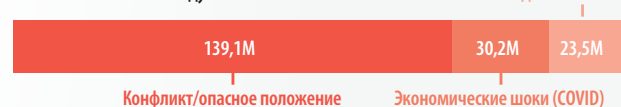
мерно на 118 млн человек в 2020 году после того, как оставались в целом без изменений в течение нескольких лет.

Уровни острого голода — число людей, которые не могут удовлетворить краткосрочные потребности в потреблении продовольствия, — в прошлом году повысились примерно на 40 млн человек. Главным образом, это произошло вследствие конфликтов, и в 2021 году 139 млн человек в 24 странах столкнулись с продовольственным кризисом или более серьезными последствиями. Теперь из-за войны, которую Россия развязала в житнице Европы, риск голода и истощения возрос еще для многих миллионов людей. **ФР**

До войны 193 млн человек в 53 странах уже испытывали острые проблемы с продовольственной безопасностью.

Основные факторы проблем с продовольственной безопасностью в 2021 году:

Источник: Всемирная продовольственная программа ООН.
Примечание. Факторы могут пересекаться. Данные на основе преобладающего фактора.

ЭНДРЮ СТЭНЛИ — сотрудник журнала «Финансы и развитие».

Инвестиции в беженцев

Джованни Пери считает, что мигранты из Украины в перспективе могут стать для принимающих стран не балластом, а ценным активом

В ИНТЕРВЬЮ корреспонденту Ф&Р Брюсу Эдвардсу экономист Джованни Пери высказывает мнение, что беженцы из Украины могут стать неожиданным и ценным вкладом в человеческий капитал принимающих стран, таких как Польша, Румыния, Молдова и Венгрия. Он также полагает, что война еще больше истощает человеческий капитал России. Уроженец Италии, Пери преподает экономику и возглавляет Центр по изучению проблем глобальной миграции в Университете Калифорнии в Дэвисе. За те 15 лет, что Пери изучает экономику миграции и мигрантов, он понял, «каким невероятно ценным ресурсом могут быть эти люди и с личностной, и с экономической точек зрения».

Ф&Р: На данный момент число беженцев, спасающихся от войны в Украине, превысило 4,5 миллиона человек. Могут ли соседние страны позволить себе всех их принять?

Пери: Безусловно, европейским странам предстоит серьезная проверка: способны ли они справиться с такой чрезвычайной ситуацией? В Польшу, Румынию, Молдову и Венгрию — ближайшие страны — приехало как минимум 3 миллиона из этих 4,5, и их ресурсы могут испытывать сильную нагрузку. В краткосрочной перспективе могут потребоваться серьезные затраты.

Ф&Р: По крайней мере некоторая часть иммиграционных потоков в Европу в прошлом были связаны с экономической миграцией. А какова ситуация с украинскими беженцами?

Пери: Беженцы уезжают в чрезвычайных обстоятельствах, когда невозможно все тщательно спланировать. Для начала им нужно экстренно где-то поселиться, и у них возникают базовые потребности, о которых экономическим мигрантам обычно удается позаботиться заранее.

Второе важное отличие в том, что они пережили тяжелое потрясение, что в краткосрочной перспективе сказывается на их физическом и психическом здоровье.

Третье — значительная доля неопределенности. Они не знают, сколько продлится война. Не знают, где в итоге окажутся.

Наконец, беженцы прибывают неожиданно и относительно большими группами.

Ф&Р: В рамках исследований вы много занимались экономической подоплекой миграции. Важный фактор тут —

заработок. Относится ли это в существенной степени и к миграции из Украины до войны?

Пери: Конечно, из Украины и раньше шли серьезные миграционные потоки. В Европе больше всего украинских мигрантов в Польше, далее — в Германии, Италии и Франции. В Польше число украинских мигрантов составляло более 1 миллиона. В Германии, Италии и Франции счет идет на сотни тысяч. Кстати, есть довольно большая украинская диаспора в Канаде и США, более 1 миллиона.

В первую очередь, в Италии и Франции и отчасти в Германии значительную долю мигрантов составляют женщины, до 70 процентов. Они были заняты в основном в сфере гостеприимства, персональных услуг и ухода за пожилыми и людьми с ограниченными возможностями, где обычно работает много женщин.

Ф&Р: Принимающие страны просто предоставляют убежище на время войны? Или помогают беженцам интегрироваться в общество?

Пери: Одна из отличительных особенностей нынешнего кризиса — это очень решительная и скоординированная реакция Европейского союза. Конечно, в ближайшее время некоторым странам придется думать о том, как обеспечить людям жилье и первичную помощь.

Но — что весьма необычно — украинским беженцам сразу же предоставили право свободного перемещения по ЕС в поисках работы. Их детей принимают в школы. Такой подход в краткосрочной перспективе, безусловно, помогает справиться с чрезвычайной ситуацией, но видно и то, что власти учли уроки прошлого и поняли важность интеграции беженцев с экономической точки зрения. Таким образом, траты на беженцев становятся уже не издержками, а инвестициями в активы.

Многие беженцы из Украины крайне неясно представляют себе свое будущее и предпочитают не уезжать слишком далеко. Но такие страны, как Германия, Франция, Италия и Швейцария, начинают зазывать беженцев к себе. На мой взгляд, это хороший знак. И, как полагают экономисты, в долгосрочной перспективе такая практика может стать удачным подходом к интеграции беженцев.

Ф&Р: К каким бюджетным последствиям может привести такая поддержка беженцев? Есть и политический аспект: в обществе бытует мнение, что иммигранты — обуза для государственных финансов.

Пери: В краткосрочной перспективе издержки неизбежны. Подсчитать их не так-то просто, но в течение первого года на жилье и поддержку беженцев Европейский союз может потратить от 8 000 до 10 000 долларов на человека. Это немалые суммы. Однако согласно всем исследованиям, на второй, третий, четвертый год — особенно если беженцы получают доступ к рынку труда и особенно если в течение первого года им оказывали поддержку и помощь на уровне политики в поиске работы и изучении языка — они становятся производительным активом. Их можно трудоустроить, и доход, который они создают, намного превосходит издержки.

Есть возможность инвестировать в человеческий капитал беженцев. Многие экономисты считают, что появление этих беженцев — плюс для некоторых европейских стран, где в настоящее время остается значительное количество незакрытых вакансий, на которые они могут претендовать. Например, в сфере персональной помощи, гостеприимства и пищевой промышленности: с помощью соответствующих мер политики можно было бы направить часть беженцев в эти секторы и тем самым — причем довольно быстро — превратить краткосрочные издержки в прибыль для принимающей экономики.

Ф&Р: Что произойдет, если не будет инвестиций в помощь этим беженцам?

Пери: Сценарий, когда инвестиции начинаются быстро и сопровождаются поддержкой на уровне политики, и вариант с отсутствием инвестиций могут в долгосрочной перспективе привести к очень разным результатам. Многие из этих людей могут остаться на периферии занятости, и им будет тяжелее интегрироваться. Будущее их детей может быть сопряжено с гораздо большим риском. Поэтому без этих инвестиций тем, кто останется, в долгосрочной перспективе, несомненно, грозят неприятные последствия, такие как безработица, меньшая востребованность на рынке труда, возможно, даже больший риск маргинализации, вовлечения в преступную сферу, развития зависимостей.

Ф&Р: Есть ли риск обострения конкуренции за рабочие места и даже снижения зарплат?

Пери: Все будет зависеть от того, сколько из этих людей на самом деле будут искать работу, а также от того, на какого рода работу они устроятся. Вполне возможно, что влияние притока беженцев в этом плане будет иметь больше плюсов, чем минусов. За последние пять-шесть лет интересные подходы к работе с беженцами появились, например, в Дании: там есть служба, которая помогает найти вакансии в отраслях, где не хватает работников. Это увеличивает вероятность того, что беженцы найдут работу, и минимизирует конкуренцию, поскольку в этих сферах наблюдается явная нехватка рабочих рук.

Обычно иммигранты претендуют не совсем на те же рабочие места, что местные жители. Так что конкуренция с местными не такая уж сильная. При этом беженцы оказывают стимулирующее воздействие на местах, позволяя компаниям набирать новых сотрудников и расти. Они тратят деньги и развивают экономику.

Ф&Р: В какой-то момент война закончится, и Украине придется заняться восстановлением. Сейчас очень многие украинцы эмигрировали; каковы будут последствия, если они решат остаться в принимающих странах?

Пери: Существует сценарий, при котором война закончится и Украина сохранит определенный уровень независимости и экономической деятельности, что многих побудит вернуться. И то время, что они провели за границей, может оказаться полезным. Они смогут помочь украинской экономике за счет торговли, инвестиций, более высокой квалификации и предпринимательской деятельности.

Но есть сценарий, при котором война продлится долго и люди не вернуться. В этом случае исход населения окажется даже более масштабным, потому что разделенные семьи будут воссоединяться в тех странах, куда уехали их родственники.

Профессионалы продолжают уезжать, что очевидно приведет к утечке мозгов. Эта диаспора может принести пользу Украине, если обстановка наладится и люди вернуться, или только усугубит утечку, если ситуация в стране не улучшится.

Ф&Р: Предполагаю, что Россию ждут те же последствия. Потеряет ли Россия к концу всей этой истории ценный человеческий капитал?

Пери: Россия вступила в войну уже в условиях существенной утечки мозгов и массового отъезда. Все слышали, что после распада Советского Союза большое количество ученых и инженеров уехали на Запад, но не многие знают, что утечка мозгов продолжалась. В начале 2010-х, когда Россия вторглась в Крым и превратилась в особенно жесткое авторитарное государство, многие русские уехали. Сейчас приходят сведения, что сотни тысяч россиян хотят покинуть страну. Для России это очень тревожно: с одной стороны, более всего склонны к отъезду квалифицированные специалисты, которые легко найдут работу на Западе: инженеры, математики, ученые. Эти люди принципиально важны для построения экономики. Также вероятен отъезд тех, кто настроен к режиму особенно неприязненно, кто выступал бы в роли критиков. В долгосрочной перспективе эта война может нанести их экономике серьезный урон. **ФР**

Интервью было сокращено и отредактировано для большей ясности.

Экономика убеждения во времена мира и войны

Распространение мобильной широкополосной связи и развитие социальных сетей изменяют характер ведения войны

Сергей Гуриев

ФОТО: ИВАН КУЗЬМИН

РОССИЙСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ Украины является первой межгосударственной войной эры смартфонов. Новые информационные и коммуникационные технологии изменяют характер ведения военных действий. Правительство России ведет сражения на трех фронтах: боевые действия в Украине, войну внутри России, в которой протестующие против войны стремятся заставить президента России Владимира Путина вывести войска из Украины, и войну за мировое общественное мнение.

Во всех трех областях технология играет важную роль. На территории Украины смартфоны используются для видеозаписи как свидетельств военных преступлений, так и передвижения российских войск. В России оставшиеся социальные сети помогают организовывать протесты и координировать направление адвокатов для правовой помощи задержанным. На глобальном информационном поле боя при помощи видео с обеих сторон предпринимаются попытки убедить третьи страны ускорить или, наоборот, притормозить поставки вооружений и ввести (или помочь обойти) беспрецедентные экономические санкции.

Представление о том, что наличие или отсутствие информации имеет значение на войне, не является чем-то новым. В своем посмертно изданном трактате «*О войне*» знаменитый военный теоретик Карл фон Клаузевиц подчеркивал важность понятия «туман войны». Война нарушает обыч-

ный процесс новостной журналистики, намного повышая неопределенность; соответственно, информация, снижающая (или усиливающая) эту неопределенность, может в небольшой степени повлиять на исход войны.

Насколько важна информация для ведения войны, было всегда хорошо известно, но масштабный рост мобильного широкополосного интернета и развитие социальных сетей за последнее время в корне преобразили процесс сбора и распространения информации. По данным Международного союза электросвязи, в 2007 году количество действующих абонентов мобильной широкополосной связи в мире составляло всего 0,04 на душу населения. В 2021 году этот показатель уже был 0,83, то есть в 20 раз больше. Этот рост произошел как в развитых, так и в развивающихся странах. В развивающихся странах это соотношение составляло 0,006 в 2007 году — и 0,73 в 2021 году. В России эта цифра больше 1, то есть практически каждый имеет соединение с интернетом. Мобильная широкополосная связь потеснила фиксированную в качестве основного источника доступа к высокоскоростному интернету. Число абонентов фиксированной широкополосной связи в мире увеличилось лишь незначительно, с 0,05 на душу населения в 2007 году до 0,17 в 2021 году.

Третье и четвертое поколения мобильной широкополосной связи, известные как 3G и 4G, совершили качественный скачок в сравнении с предыдущими поколениями, позволив пользователям делать фотоснимки, записывать видео и немедленно рассылать эти материалы по всему миру. Как следствие, распространение 3G и 4G стало важной движущей силой роста социальных сетей. Сегодня в мире почти 3 млрд человек пользуются Facebook, 2,5 млрд — YouTube и 1,5 млрд — Instagram. В огромном большинстве случаев для доступа в социальные сети используются мобильные устройства.

Как утверждает Мартин Гурри в своей пророческой книге *The Revolt of the Public and the Crisis of Authority in the New Millennium*, этот технологический сдвиг имеет важные политические последствия. Самосожжение тунисского уличного торговца Мохамеда Буазизи в декабре 2010 года послужило толчком к началу «Арабской весны», потому что снятое на смартфон видео стремительно разошлось по всей сети. При этом подобный случай самосожжения другого уличного торговца, Абдесслема Тримеча, произошел тремя месяцами раньше, но не привлек широкого внимания. Арабская весна продемонстрировала разительные перемены в распространении новостной информации. Большая часть освеще-

щения событий Арабской весны вещательной компанией Аль-Джазира, штаб-квартира которой находится в Катаре, опиралась не на работу профессиональных операторов, а на использование заснятых на сотовые телефоны видео, распространявшихся через социальные сети.

То же самое можно сказать сегодня о войне в Украине, первом крупном конфликте этой эры радикальной прозрачности. И гражданское население, и солдаты, используют смартфоны для фото- и видеосъемки и размещают заснятые сюжеты в социальных сетях. И все же это не развеяло туман войны. Проблема состоит не в недостатке, а, напротив, в избытке информации, значительная часть которой не проверяется на достоверность. Широкополосный интернет и социальные сети благоприятствуют распространению будоражающего и скандального контента, не всегда правдивого. В течение прошедшего десятилетия мы уже были свидетелями умелого использования социальных сетей популистскими политиками. В нашем исследовании “3G Internet and Confidence in Government,” («Интернет 3G и доверие к органам государственного управления») Никита Мельников, Екатерина Журавская и я показываем, что распространение мобильного широкополосного интернета объясняет примерно половину недавнего подъема популизма в Европе.

Однако социальные сети привлекают не только популистов. Они также являются предпочтительным инструментом для нового поколения недемократических лидеров, которых Дэниэл Трейсман и я называем «спин-диктаторами». В нашей новой книге под этим названием мы показываем, что большинство современных недемократических стран более не полагаются преимущественно на устрашение и массовые репрессии. Вместо этого они манипулируют информацией. Они обманом убеждают людей в том, что являются компетентными руководителями. Они создают видимость того, что пришли к власти в результате демократических выборов. Признавая некоторые недостатки в процедурах выборов, они утверждают, что такие же недостатки существуют и в странах Запада.

Для таких так называемых «спин-диктаторов» социальные сети служат очень полезной платформой. Не удивительно, что Путин, один из главных прототипов для нашей книги, за последние 10 лет вложил значительные средства в ведение информационной войны при помощи интернета.

«Фабрики троллей», боты в социальных сетях, анонимные Telegram-каналы и рекламные кампании в Facebook — все это играет важную роль в его внутренней и внешней политической стратегии. Теперь он применяет эти инструменты для войны с Украиной. В этот раз его задача намного сложнее: поскольку мы своими глазами видим свидетельства военных преступлений в Украине, он, несомненно, проигрывает в своей информационной войне на Западе. Но это лишь повышает для него ставки внутри страны. Ему необходимо убедить по крайней мере значительную часть российской общественности в том, что он ведет праведную войну. Вот почему, начав эту войну, он всего лишь через

неделю закрыл все оставшиеся независимые СМИ, заблокировал большинство западных социальных сетей и ввел военную цензуру. Публичные высказывания, противоречащие официальной версии событий, теперь могут повлечь за собой наказание — до 15 лет лишения свободы.

Сработало ли это? И да, и нет. Опросы общественного мнения показали быстрый рост рейтинга одобрения Путина, с 60 до 80 процентов. С другой стороны, учитывая резкое ужесточение репрессивных мер, опросы уже нельзя считать достоверными. Во-первых, намного снизилась доля ответивших. Во-вторых, списочные эксперименты — специальная методика, используемая политологами для того, чтобы определить средний уровень поддержки, не задавая людям прямых вопросов, — свидетельствуют о том, что многие россияне вернулись к практике «фальсификации предпочтений» советского периода. Тем не менее, даже по результатам списочных экспериментов, 53 процента россиян поддерживают войну, согласно данным, приводимым Филиппом Чапковским и Максом Шаубом в их работе “Do Russians

Распространение мобильного широкополосного интернета объясняет примерно половину недавнего подъема популизма в Европе.

Tell the Truth when They Say They Support the War in Ukraine? Evidence from a List Experiment” («Правду ли говорят россияне, когда заявляют, что поддерживают войну в Украине? Что показал списочный эксперимент») Российская государственная пропаганда работает.

В связи с этим, в дополнение к оказанию поддержки вооружениями украинской армии и введению новых санкций против России, Западу следует направлять больше ресурсов на информационную битву за умы россиян. Успех в ней возможен. Россия — не Китай, и «великого фэйрвола» там нет. Некоторые социальные сети, прежде всего YouTube и Telegram, не заблокированы. Сети VPN не запрещены. По сравнению с временами холодной войны, когда Запад использовал программы русскоязычного вещания Радио Свободная Европа, Радио Свобода, Би-Би-Си и Немецкой волны, сегодня намного больше возможностей дойти до российской аудитории с фактами о войне и сопоставлением российской пропаганды с фактической информацией. Выигрыш в информационной войне внутри России поможет выиграть ее и на других фронтах — и предотвратить будущие вторжения путинского режима. [ФР](#)

СЕРГЕЙ ГУРИЕВ — профессор экономики Института политических исследований, Париж, и бывший главный экономист Европейского банка реконструкции и развития.

ДЕРЖАТЬСЯ ДО КОНЦА

*Крис Веллиш представляет **Мелиссу Делл** из Гарвардского университета, которая по-новому разоблачает наследие прошлого*

Мелиссе Делл нужно было сделать перерыв в работе над архивами в Куско, Перу, поэтому она села в автобус и отправилась в отдаленную горную местность, которую она изучала, где провела несколько недель, беседуя с потомками тех, кто трудился на серебряных рудниках в эпоху испанского завоевания. Местные жители носили традиционную одежду кечуа и жили в деревянных хижинах с земляным полом и без окон.

«Я спрашивала людей: “А эти места отличаются от тех мест вон там?” — вспоминает Делл, показывая на деревни, расположенные в нескольких милях отсюда. — Они отвечали: “В тех местах есть дорога, поэтому, когда там созревает кукуруза, они могут отвезти ее на рынок. Если я попытаюсь отвезти свою кукурузу на рынок, она по дороге испортится, потому что здесь нет мощных дорог”».

Эти беседы подтвердили вывод дипломной работы Делл о том, что сложившаяся в колониальную эпоху система принудительного труда, называемая «мита», наложила на коренное население отпечаток, который все еще ощущается два столетия спустя. Когда Делл приезжала в район мита, там было мало асфальтированных дорог, а ее жители, как правило, были более бедными и занимались преимущественно подсобным хозяйством, в отличие от тех, кто жил за его пределами.

Исследование Делл было опубликовано в престижном научном журнале «*Econometrica*» в 2010 году, когда она еще училась в аспирантуре Массачусетского технологического института (МТИ). Одну из ее наиболее цитируемых статей «*The Persistent Effects of Peru’s Mining Mita*» («Устойчивые последствия «мита» в горнодобывающей отрасли в Перу») до сих пор изучают студенты экономического профиля бакалавриата в ее альма-матер в Гарвардском колледже, и именно эта статья послужила решающим аргументом в решении Американской экономической ассоциации в 2020 году о присуждении ей медали Джона Бейтса Кларка, которая ежегодно вручается выдающему экономисту моложе 40 лет.

Секреты успеха

Ученые давно задавались вопросом, почему одни регионы процветают, а другие нет. Как общества поднимают свой уровень развития, добиваясь большего процветания? Каков секретный рецепт для достижения экономических успехов? Почему ВВП на душу населения в Южной Корее сегодня намного выше, чем в Камбодже, где в 1960 году был сопоставимый уровень жизни?

Подобные вопросы вдохновляли авторов крупных, почти эпохальных произведений, охватывающих века и континенты, например, «*Ружья, микробы и сталь*» Джаредда Даймонда, в которой исследуются экологические факторы, и «*Почему одни страны богатые, а другие бедные*» Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона, в которой изучается роль институтов.

Эти вопросы интриговали Делл, но она хотела пойти другим путем. Она решила изучить предмет под микроскопом, сосредоточившись не на различиях между континентами и странами по уровню богатства, а на различиях между соседними городами и деревнями.

«Для того чтобы по-настоящему погрузиться в суть вопроса, полезно взглянуть на него изнутри», — говорит Делл в интервью Ф&Р. — Изучая вопрос на микроуровне, можно узнать намного больше подробностей и деталей о том, что происходит».

Один из значительных вкладов Делл в литературу по вопросам экономики развития и преимуществом ее микроподхода является определение того, что она называет «каналами устойчивости». Что касается мита, то каналом служило отсутствие инфраструктуры на территориях, используемых испанскими колонизаторами для привлечения подневольной рабочей силы.

За пределами мита владельцы крупных сельских поместий (асьенда) использовали свое политическое влияние для строительства дорог для транспортировки своей сельскохозяйственной продукции на рынок. В зоне мита было меньше асьенд, поскольку испанские колониальные управляющие не хотели конкурировать за рабочую силу, поэтому в таких местах было меньше дорог.

Еще одним серьезным вкладом Делл стало совершенствование используемого в эконометрике инструмента, известного как дизайн разрывов регрессии. В своем классическом применении он используется для изучения влияния социальной услуги, как, например, программы медицинского страхования «*Medicare*», на потребителей услуг. Разрыв возникает, когда потребителям исполняется 65 лет. До этого возраста услугой воспользоваться невозможно, а по достижении 65-летнего возраста она становится доступной. Ученые используют такой разрыв для сравнения получателей, которые немного старше или немного моложе 65 лет, чтобы сделать выводы о влиянии программы «*Medicare*».

Делл продвинулась на шаг вперед в использовании этого подхода, применив его к географическим районам, таким как деревни по обе стороны границы рудника, где используется мита. Для этого требуется использовать намного больше переменных и производить более сложные расчеты. Хотя Делл была не первым экономистом, применившим географической регрессионный анализ, по словам ее коллег, она усовершенствовала его и помогла сделать его использование более популярным среди ученых-экономистов.

«Ее статья, посвященная мита, познакомила многих с дизайном разрывов регрессии, что, в свою очередь, позволило другим ученым опубликовать десятки статей», — говорит Пабло Керубин, доцент кафедры политики и экономики Нью-Йоркского университета.

Для изучения мита Делл самостоятельно освоила программное обеспечение для картирования географических информационных систем (ГИС), чтобы точно определять местонахождение изучаемых ею деревень по отношению друг к другу и к границам зоны мита. В итоге она стала проводить обучающие занятия по использованию этого программного обеспечения.

Овладение ГИС — это пример присущих Делл тщательного подхода и упорства, которыми восхищаются ее знакомые. Эти качества также проявляются в ее кропотливой работе

с архивами и в ее знаниях литературы по широкому кругу вопросов — от испанских колоний до того, как действуют банды наркоторговцев в современной Мексике. «Что отличает Мелиссу, так это то, что она не ищет легких путей», — говорит Аджемоглу, профессор МТИ, который был одним из научных руководителей ее докторской диссертации.

Из Инида в экономисты

Делл выросла в городе Инид, штат Оклахома, с населением около 50 тысяч человек, расположенном на границе Великих равнин и известном как «Пшеничная столица» в связи с огромными мощностями по хранению зерна. Ее мать преподавала в детском дошкольном учреждении, а отец был гражданским подрядчиком в авиамастерской на военно-воздушной базе.

В Гарварде она участвовала в соревнованиях по бегу на длинные дистанции, обучалась по специальности экономика и изначально задумывалась о поступлении на юридический факультет. Она изучала испанский язык и провела лето в Перу, работая стажером в женской микрофинансовой организации. Это была ее первая поездка за пределы США.

«Для меня это стало открытием, поскольку дало возможность увидеть воочию, что из себя представляет развивающаяся экономика на практике, поговорить с людьми и познакомиться с их мнениями», — говорит она.

Продолжить обучение в аспирантуре по экономике она решила только на последнем курсе университета, читая статьи, в том числе «Колониальные истоки сравнительного развития», написанные совместно Аджемоглу, Саймоном Джонсоном и Робинсоном. В ней утверждается, что «добывающие» колониальные режимы, преимущественно занимавшиеся эксплуатацией природных ресурсов, оставили после себя наследие в виде отсталости в развитии в современных странах мира.

«Это заставило меня задуматься о мита: а ведь это типичный пример добывающей структуры», — говорит Делл.

Мита стал темой ее дипломной работы, которую она продолжила изучать, работая научным сотрудником в Оксфордском университете в течение двух лет. К моменту поступления в МТИ она успела провести еще одно лето в Перу, работая над научным исследованием, и подготовить основу для своей докторской диссертации.

Ее работа о факторах экономического развития подвела ее к изучению давно интересовавшей ее темы различия путей развития стран Азии и Латинской Америки. Читая об экономике азиатских стран, она задумалась о различиях между странами Северо-Восточной Азии, такими как Южная Корея и Тайвань (провинция Китая), и государствами Юго-Восточной Азии, такими как Индонезия и Филиппины.

Обвинительный приговор Вьетнамской кампании

Она осознала, что на пересечении этих двух регионов находится Вьетнам. В публикации «The Historical State, Local

Collective Action, and Economic Development in Vietnam» («Историческое государство, местные коллективные действия и экономическое развитие во Вьетнаме») Делл совместно с соавторами Нейтаном Лейном и Керубином использовала географический анализ с разрывом регрессии для изучения стойких эффектов двух административных моделей — на севере, в Дайвьете, который представлял собой централизованное государство по китайскому образцу, где основной административной единицей была деревня, и на юге, в бывшем районе, который занимали кхмеры, где господствовала модель «патрон-клиент» и где землевладельцы собирали дань с крестьян, предлагая взамен защиту.

Делл и ее соавторы обнаружили, что спустя столетия потребление домохозяйств в деревнях Дайвьета было примерно на треть выше аналогичного показателя в бывшем регионе кхмеров. Жители деревень бывшего государства Дайвьет вдвое чаще участвовали в местных гражданских обществах, были лучше образованы и имели более широкий доступ к медицинской помощи.

Изучая современный уровень жизни во Вьетнаме, Делл и Керубин наткнулись на удивительные документы: результаты опросов жителей 18 тысяч деревень, проведенных США и властями Южного Вьетнама с 1969 по 1973 годы. В ходе таких ежемесячных и квартальных опросов были собраны ответы на 169 вопросов о местной политике, экономике и безопасности. Это стало бесценным источником информации об отношении жителей и об уровне жизни населения.

Специалисты, проводившие опросы, использовали алгоритм для агрегирования данных и расчета балла, отражавшего показатель безопасности для каждой деревни. У деревень с более низкими баллами, отражавшими ситуацию с безопасностью, была намного более высокая вероятность попасть под бомбардировки, исходя из теории о том, что огневая мощь ослабит силы повстанцев, дестабилизирует их операции и сломит их моральный дух.

Баллы непрерывно распределялись в диапазоне от 1 до 5, однако в силу ограниченных в то время вычислительных возможностей они округлялись до ближайшего целого числа. Это означало, что двум деревням с весьма схожими показателями, например, 2,49 и 2,51, присуждались разные баллы, что создавало разрыв в линии разграничения.

«Когда я начала погружаться в данные, я поняла, что имею дело с дизайном разрывов регрессии», — вспоминает Делл.

Прежде чем Делл и Керубин смогли продолжить работу, им необходимо было получить неокругленные данные баллов, отражавших безопасность, которых уже не существовало. Однако нашлось обходное решение: если бы удалось получить так называемые матрицы условной вероятности, используемые для расчета неокругленных значений баллов, то они могли бы провести повторные расчеты и воссоздать исходные данные.

Для этого им пришлось перелопатить тысячи коробок с документами в Национальном архиве в Колледж-парке в штате Мериленд в поисках матриц, однако это ни к чему

не привело. Поиск архивных материалов онлайн, посвященных войне во Вьетнаме, в Техасском технологическом университете тоже не принес результатов.

Делл решила отправиться из Кембриджа, штат Массачусетс, в Вашингтон, округ Колумбия, чтобы тщательно просмотреть архивы в Центре военной истории Армии США в Форт Макнейр. Первая попытка результата не принесла. Но вскоре работавший там же историк сообщил ей, что видел в подвале какие-то коробки. Изучив подвал, Делл вышла на улицу и написала Керубину сообщение из двух слов: «Они нашлись».

«У меня, наверное, опустились бы руки гораздо раньше, но она была настолько невероятно преданной делу, что пошла до конца в поисках матриц условной вероятности», — вспоминает Керубин.

После воссоздания исходных данных баллов и применения дизайна с разрывом регрессии Делл и Керубин пришли к выводу о том, что стратегия США по применению подавляющей силы имела обратный эффект: бомбардировки привели к тому, что жители деревень, скорее, готовы были поддерживать коммунистических повстанцев, а не наоборот, что привело к ослаблению антикоммунистической гражданской активности.

Местами их доклад читался как обвинительный приговор военной стратегии США во Вьетнаме, авторами которой преимущественно были талантливые выпускники университетов из Лиги плюща в эпоху правления президентов Джона Ф. Кеннеди и Линдона Б. Джонсона. Среди них были Макджордж Банди, политолог из Гарварда, и Уолт Ростоу, автор влиятельной книги «*Стадии экономического роста*», утверждавший, что он сформулировал условия, выполнив которые страны смогут добиться успехов на пути развития.

Делл критиковала таких советников, как Банди и Ростоу, за то что они предлагали эффектные теории, не опиравшиеся на данные, и испортили репутацию общественных наук. Их промахи «действительно показывают, насколько важно учитывать разнообразные точки зрения при обсуждении чрезвычайно сложных вопросов государственной политики, и проверять теории с использованием данных».

Аджемогу говорит, что Делл успешно соединяет теорию и эмпирическую работу. «Она прекрасный образец превосходного сочетания строгого научного подхода и интуитивного интереса к вопросам первостепенной важности для человечества», — говорит он.

Бенджамин Олкен, еще один научный руководитель диссертации Делл, говорит, что ее работа, посвященная Вьетнаму, показывает, насколько «Мелисса готова потратить очень много сил на то, чтобы получить долговременную отдачу».

В последнее время Делл изучает то, как колониальное управление Японии в китайской провинции Тайвань повлияло на развитие острова. В ходе своего исследования она обнаружила целый кладезь архивных сведений японских компаний начала 20-го века. Их было сложно оцифровать, поскольку

Я действительно думаю, что бег на длинные дистанции закрепляет полезный жизненный опыт и воспитывает упорство.

они содержали тысячи иероглифов, которые уже не используются, и были представлены в необычном формате.

Используя навыки программирования, освоенные самостоятельно, она разработала пакет программного обеспечения, называемый «Layout Parser» на основе открытого программного обеспечения, с помощью которого ученые могут сканировать документы необычного формата. Она также разрабатывает альтернативное коммерческое оптическое программное обеспечение, распознающее буквы, — оно станет проще, точнее и будет больше подходить для чтения документов, которыми пользуются историки.

«Это открывает возможности для получения огромного объема ценной информации, — говорит Делл. — Я подумала, что это также подходящий проект, которым можно заняться во время пандемии, поскольку архивы закрыты».

Керубин более многословен в оценках, отмечая, что через год после начала работы над проектом Делл начала вести курс по технологии глубокого обучения методам курирования данных.

«Прорывные открытия в методах, которые она разрабатывает, помогут найти ключ ко многим другим проектам, над которыми работают другие экономисты-историки, экономисты, политологи — да кто угодно», — говорит он. — Это станет очень важным».

Жизненный опыт

Керубин и другие коллеги усматривают параллели между упорством, которое проявляет Делл в исследованиях, и ее опытом стайера. Керубин вспоминает, как он увидел Делл в дискуссионной группе аспирантов МТИ и подумал, что она выглядит усталой. Как оказалось, она в то время упорно тренировалась, чтобы принять участие в ультрамарафоне.

Делл на время приостановила участие в ультрамарафонах. Она замужем за Остином Хуангом, который работает в компании Fidelity Investments. У них трое детей в возрасте от четырех месяцев до четырех лет.

«Мне нравится заниматься бегом на досуге, но сейчас проблема в том, что не все мои дети поместятся в двойную беговую коляску», — говорит она.

«Надеюсь, что, когда самый старший ребенок достаточно подрастет, чтобы сопровождать меня на велосипеде, я вернусь к этому занятию. Я действительно думаю, что бег на длинные дистанции закрепляет полезный жизненный опыт и воспитывает упорство». **ФР**

КРИС ВЕЛЛИШ — внештатный автор и редактор.

РАДИ

АМЕРИКАНСКИЕ

МЕЧТЫ

Целевые программы для детей — лучший способ повысить восходящую экономическую мобильность

Радж Четти и Натаниэль Хендрен

Район Браунсвилл в Бруклине,
Нью-Йорк, в 2019 году.

Определяющая черта «американской мечты» — восходящая мобильность, то есть наличие у всех детей вне зависимости от происхождения шанса на экономический успех. К сожалению, в последние десятилетия возможности детей зарабатывать больше, чем их родители, сократились. Если среди детей, родившихся в 1940 году, 90 процентов, встав взрослыми, обогнали родителей по доходу, то сегодня лишь половина взрослой молодежи зарабатывает больше, чем их родители в том же возрасте. Наша исследовательская группа стремится понять, какие меры политики помогают расширить экономические возможности, — в Соединенных Штатах и в других странах.

На сегодняшний день главный вывод наших исследований подчеркивает, насколько важны меры политики, нацеленные на детский возраст. Этот возраст играет существенную роль по двум причинам. Во-первых, от среды, в которой дети растут, во многом зависят их достижения во взрослой жизни. Во-вторых, политика, напрямую увеличивающая инвестиции в детей, особенно из семей с низким доходом, — это зачастую самый эффективный с точки зрения затрат способ снизить неравенство между поколениями.

Отправной точкой для нашего анализа стали материалы «Атласа возможностей» — разработанной нами интерактивной базы данных, в которой результаты переписей и налоговые документы используются для измерения восходящей мобильности в каждом районе США. «Атлас возможностей» показывает, что в одних районах дети из семей с низким доходом активно поднимаются по лестнице благосостояния, тогда как в других дети из похожих по уровню семей на протяжении ряда поколений не могут выбиться из бедности. Например, на рис. 1 показан разброс средней величины дохода, который получают взрослые, выросшие в семьях с низким доходом, в Нью-Йорке. На рис. 2 видно, что в бруклинском районе Браунсвилл доходы детей из семей с низким доходом во взрослом возрасте в значительной мере зависят от того, с какой стороны Дюмон-авеню они жили в детстве.

Чтобы лучше понять, как район влияет на дальнейшую жизнь ребенка, мы проследили судьбу более 5 миллионов детей, переехавших с родителями на новое место. Наш главный вывод: дети, переехавшие в районы

с более интенсивной восходящей мобильностью — например, в те, где школы лучше, — как правило, добивались большего успеха во взрослом возрасте. Другими словами, достижения во взрослой жизни в существенной мере обусловлены районом, где прошло детство человека.

На рис. 3 отображено прогнозируемое увеличение дохода гипотетических детей, которые переедут из жилого комплекса Вэн-Дайк-Хауиз, расположенного к северу от Дюмон-авеню в Браунсвилле, в находящийся неподалеку, к югу от Дюмон-авеню, комплекс Ниимайя-Хауиз в районе, прошедшем комплексную реконструкцию. Мы рассказываем, что дети, которые переедут в возрасте двух лет, во взрослом возрасте будут зарабатывать примерно 25 000 долларов в год; если же они останутся в Вэн-Дайк-Хауиз, их средняя зарплата составит 17 000 долларов в год. Чем позже дети переедут, тем меньше они выиграют в зарплате. Каждый лишний год, проведенный в районе с более широкими возможностями, улучшает их перспективы в будущем.

Что важно, улучшение среды обитания играет роль и в подростковом возрасте, и позднее; даже в 15 лет переезд в более благополучный район все равно дает ценное преимущество по сравнению с переездом в 20 лет. Только в возрасте более 23 лет переселение в более перспективный район перестает оказывать заметное влияние на доход. Похожие тенденции наблюдались в ходе экспериментов, когда семьи, выбранные в случайном порядке, переезжали из районов с высоким уровнем бедности в районы с низкой бедностью. Одним словом, район, в котором прошло детство, влияет на экономическое положение человека во взрослом возрасте.

Второй ключевой элемент нашего исследования заключается в том, чтобы определить, какие виды политики наиболее эффективны для предоставления более широких экономических возможностей и улучшения социального благополучия. Мы проанализировали 133 меры политики, осуществленные за последние 50 лет. Эти меры сравнивались друг с другом при помощи стандартизированного показателя под названием «пределная стоимость государственных фондов» (ПСГФ). ПСГФ конкретной меры политики — это отношение преимущества, которое она дает своим получателям, к чистой сумме издержек для государства с учетом долгосрочного

Район, в котором прошло детство, влияет на экономическое положение во взрослом возрасте.

Рисунок 1

Разброс доходов

Средние доходы нью-йоркцев в возрасте 35 лет, родители которых зарабатывали 27 000 долларов в год, варьируются в широком диапазоне.

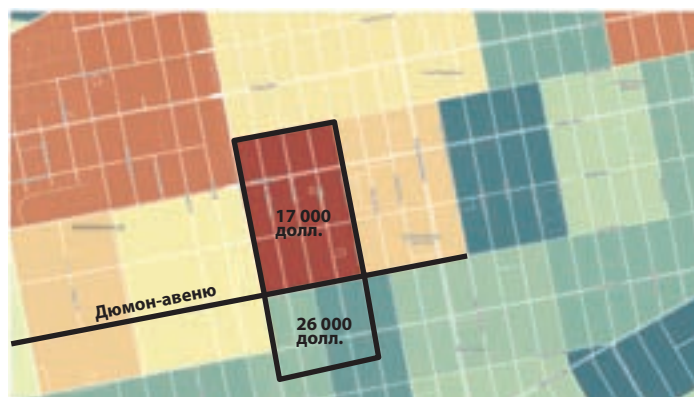
Источник: «Атлас возможностей».

Рисунок 2

Разделение по уровню заработка

То, сколько дети из семей с низким доходом зарабатывали во взрослом возрасте, существенно зависело от того, с какой стороны Дюмон-авеню в этом районе Нью-Йорка они выросли.

Доходы домохозяйств для детей чернокожих родителей с низким доходом

Источник: «Атлас возможностей».

воздействия на бюджет, включая сокращение социальных расходов и повышение налоговых поступлений. Этот показатель позволяет сравнивать эффективность разных типов политики — связанных с социальным страхованием, налогами, денежными трансфертами, образованием, профессиональным обучением, трансфертами в натуральной форме и др., — в результате чего можно понять, какие из них оказали наибольшее влияние на социальное благополучие в пересчете на доллар чистых государственных расходов.

На рис. 4 отображены главные результаты. Мы разделили 133 меры политики на 12 программных категорий и для каждой категории обозначили среднюю ПСГФ с привязкой к среднему возрасту тех, на кого этот тип политики нацелен. Три точки в левой верхней части показывают, что исторически инвестиции в детей дают самую высокую ПСГФ. Такая политика включает в себя расширенную медицинскую страховку для детей, инвестиции в дошкольное и школьное образование и меры, стимулирующие получение высшего образования.

Закономерности, заметные на рис. 4, обладают поразительным сходством с данными рис. 3. В обоих случаях мы наблюдаем большую отдачу от улучшения условий жизни детей. Каждый год, проведенный в более перспективном районе, улучшает восходящую мобильность. Кроме того, видно, что не только государственные инвестиции, нацеленные на детей дошкольного возраста, дают существенные плюсы, но и программы, помогающие детям старшего школьного и институтского возраста, также обеспечивают налогоплательщикам серьезную выгоду.

Во многих случаях мы приходим к выводу, что некоторые меры политики полностью окупаются и в долгосрочной перспективе экономят деньги налогоплательщиков. Таким мерам мы приписываем размер ПСГФ, равный бесконечности, что иллюстрируется тремя усредненными категориями, обозначенными в верхней части рис. 4. Например, меры политики, увеличивающие покрытие медицинской страховки для детей, на каждый потраченный доллар приносят выгоду в размере 1,80 доллара. В прошлом многие меры политики, дающие новые экономические возможности представителям разных поколений, также оказывались выгодными для налогоплательщиков.

Наша исследовательская группа не только анализирует исторический опыт, но и с помощью больших данных старается помочь выработать политику нового поколения, направленную на повышение экономической мобильности. Центральным стимулом для нас — это разительный географический контраст в мобильности, выявленный «Атласом возможностей». С учетом радикальных различий в жизненных перспективах, обусловленных местом, где проходит детство, возникает вопрос о том, почему так много семей с детьми не переезжает в районы с хорошей восходя-

щей мобильностью. Любопытно, что, по нашим наблюдениям, даже те семьи с низким доходом, которые получили ваучеры, компенсирующие часть затрат на аренду жилья по их выбору, зачастую продолжают концентрироваться в районах с низким уровнем восходящей мобильности. Отсюда напрашивается вывод, что жилищные ваучеры оказывают ограниченное воздействие на борьбу с жилищной сегрегацией и доступ к новым экономическим возможностям.

Чтобы понять, почему так происходит, в 2018 году в сотрудничестве с жилищными ведомствами Сиэтла и округа Кинг мы разработали и испытали программу под названием «Переезд к возможностям» (ПВ). Задав целью проверить, существуют ли барьеры, которые мешают получателям ваучеров переезжать в более перспективные районы, мы предоставили группе выбранных наугад получателей ваучеров набор услуг, включающих в себя помощь с подбором жилья, возможность связаться с арендодателями и финансовую помощь. Из семей, получивших поддержку, в более перспективные районы переехали целых 53 процента, тогда как среди семей, оставшихся без поддержки, жилье в районах с высокой восходящей мобильностью нашли всего 15 процентов.

Эти результаты показывают, в какой степени способность семей с низким доходом найти жилье в районах с хорошими возможностями ограничена *барьерами* (в отличие от *предпочтений*). Устранение таких барьеров может предоставить новые возможности детям из семей с низким доходом. По нашим оценкам, дети, которые в рамках программы ПВ при рождении переедут в перспективный район и останутся в нем до достижения взрослого возраста, заработают за всю жизнь на 200 000 долларов больше, чем если бы они остались в районе с меньшими возможностями.

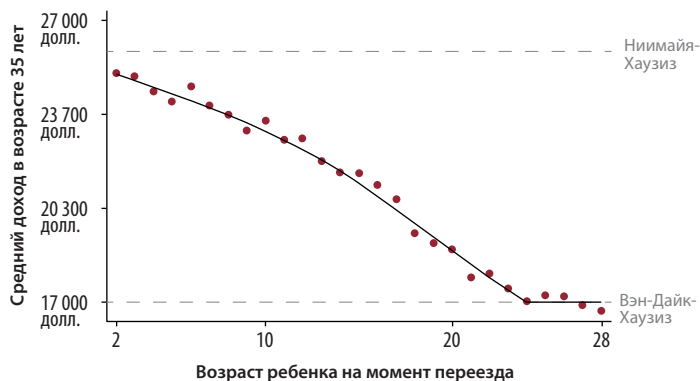
Результаты этого исследования дают почву для оптимизма. Да, возможно, из данных следует, что США не обеспечивают детей равным доступом к возможностям. Но мы также показываем, что инвестиции, которые исторически давали значительные преимущества детям, одновременно приносят дивиденды обществу в целом, что должно повысить заинтересованность общества в обеспечении восходящей мобильности для всех. Существует реальная возможность оживить мобильность между поколениями — как в США, так и в других странах, — если принять основанную на данных программу мер политики, которая поспособствует увеличению инвестиций в детей из семей с низким доходом и созданию для них новых возможностей. **ФР**

РАДЖ ЧЕТТИ — профессор экономики в Гарвардском университете и директор-основатель Opportunity Insights.
НАТАНИЕЛЬ ХЕНДРЕН — профессор экономики в Гарвардском университете и содиректор-основатель Opportunity Insights и Policy Impacts.

Рисунок 3

Все решает место

Дети, переехавшие в районы с большей восходящей мобильностью, как правило, добивались во взрослой жизни лучших результатов; пример — дети, переезжавшие в пределах Бруклина, Нью-Йорк.

Источник: Chetty и Hendren (2022).

Рисунок 4

Хорошо для всех

Политика, нацеленная на улучшение жизненных перспектив детей, приносит наибольшую выгоду и обществу в целом.

В среднем по категориям

Источник: Opportunity Insights.

Примечание. «Предельная стоимость государственных фондов» — отношение преимущества для получателей помощи к чистой сумме издержек для государства. «Пособия по инвалидности» — пособие по инвалидности или при потере кормильца; «Доп. соц. доход» — дополнительный социальный доход; ∞ — самоокупающиеся меры политики.

Литература:

Chetty, Raj, and Nathaniel Hendren. 2022. "Replication Data for: The Impacts of Neighborhoods on Intergenerational Mobility: (I) Childhood Exposure Effects, and (II) County-Level Estimates." Opportunity Insights, Harvard Dataverse, Cambridge, MA.

COVID-19 И ДОВЕРИЕ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Ненадлежащее урегулирование чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения и других областях подрывает доверие молодежи к политикам на долгие годы

Джеват Аксой, Барри Айкенгрин и Оркун Сака

При отсутствии доверия политическим деятелям трудно убедить граждан следовать их рекомендациям и указаниям. В связи с возникающими проблемами, от COVID-19 до изменения климата, а теперь также вторжения России в Украину, государственные органы просят граждан или дают им указания изменить свое поведение и пойти на жертвы — великие жертвы в случае войны. Однако в условиях широкого распространения теорий заговора становится значительно труднее завоевывать и поддерживать доверие. Реакция обществен-

ности на пандемию подчеркивает важность доверия, особенно среди молодежи, и может позволить извлечь уроки для других сфер общественной жизни.

Государственные органы и современная медицина сыграли важную роль в смягчении последствий пандемии. Государственные служащие и ведомства давали рекомендации и разрабатывали правила в отношении социального дистанцирования, ношения масок и вакцинации. Ученые, выступая в роли консультантов, создали научную основу для разработки этих правил и мер, а в роли исследователей они разрабо-

тали мРНК-вакцины, а затем также профилактические и терапевтические препараты, которые обещают уменьшить распространение заболевания.

Результаты последних исследований и случайных наблюдений показывают, что для успеха таких усилий необходимо доверие общественности к государственным служащим и научным работникам, а также связанным с ними институтам. Лишь при условии, что граждане считают правительство заслуживающим доверия, то есть верят в то, что оно будет принимать беспристрастные и обоснованные меры, они с высокой вероятностью будут следовать его рекомендациям и указаниям. В исследовании, опубликованном в британском медицинском журнале *Lancet* в начале 2022 года, были проанализированы уровни заболеваемости COVID-19 в 177 странах и было установлено, что при более высоком уровне доверия к правительству и обществу прослеживалась «существенная, статистически значимая взаимосвязь с более низкой заболеваемостью за весь период исследования». Аналогичным образом, многочисленные исследования, в которых сравниваются данные на уровне стран и отдельных лиц, показали, что вера в науку положительно коррелирует с соблюдением мер по борьбе с пандемией. Очевидно, что только при условии, что граждане считают ученых заслуживающими доверия, они с высокой вероятностью будут следовать их рекомендациям и указаниям. В качестве показательного примера можно отметить, что лица, скептически настроенные по отношению к вакцинации, часто поднимают вопросы о мотивах, компетентности и честности ученых.

Однако доверие не является данностью: оно формируется под влиянием событий. При этом, как показывают результаты последних исследований, к числу обстоятельств, оказывающих значительное воздействие на доверие граждан к государственным органам и научным работникам, относится опыт эпидемий. Эпидемии отрицательно сказываются на доверии как к государственным органам, так и к научным работникам. Тем не менее важно отметить, что их воздействие на выражение и проявление доверия не является одинаковым во всех случаях. Как отмечается в серии наших публикаций, эпидемии оказывают наибольшее воздействие на уровни доверия среди молодежи — а именно, среди молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет.

Восприимчивый возраст

В целом ряде исследований отмечались резкие изменения в восприятии и поведении молодых людей, а также сохранение таких изменений на долгие годы. Классическое исследование, инициированное в 1930-х годах социологом Теодором Ньюкомбом и проведенное среди студентов Беннингтонского колледжа, показало, что социальные и политические убеждения, сформированные его испытуемыми в студенческие годы, сохранялись на протяжении длительного времени; они стали частью устойчивой идеологической идентичности личности. Психолог Джон Кросник и социолог Дуэйн Элвин показали, что политические взгляды и политическая принадлежность, сформированные в возрасте от 18 до 25 лет, как правило, сохраняются на протяжении многих лет. Экономисты Паола Джулиано и Антонио Спиллиберго установили, что опыт рецессии, пережитый в возрасте от 18 до 25 лет, оказывает значительное, длительное воз-

действие на убеждения об экономике. В результате авторы исследований стали называть жизненный этап от 18 до 25 лет «восприимчивым возрастом».

Особую важность восприимчивого возраста объясняют по-разному. Некоторые ученые исходят из концепции «свежего контакта», описанной философом начала XX века Карлом Маннгеймом, который предполагал, что взгляды формируются на длительный период, когда лица в позднем подростковом возрасте, покидая семью, впервые сталкиваются с новыми идеями или обстоятельствами. Другие специалисты ссылаются на труды психолога Эрика Эриксона, согласно которым лица в позднем подростковом и раннем взрослом возрасте восприимчивы к новому влиянию, поскольку именно в этом возрасте у них фор-

Доверие не является данностью: оно формируется под влиянием событий.

мируется самоощущение и личностная идентичность. Специалисты в области когнитивистики связывают сохранение установок, сформированных на этапе восприимчивого возраста, с повышением когнитивных способностей, начинающимся в позднем подростковом возрасте. Другие эксперты выделяют исследования в области неврологии, которые показывают, что нейрохимические и анатомические изменения, происходящие в мозгу между подростковым и взрослым возрастом, связаны с формированием длительных установок. Но какими бы ни были причины феномена восприимчивого возраста, очевидно его важное значение.

Эпидемии и доверие к проводимой политике

В нашем исследовании представлены первые крупномасштабные свидетельства влияния эпидемий на уровни доверия лиц восприимчивого возраста к проводимой политике. Мы использовали данные о доверии к государственным органам, выборам и лидерам стран и уверенности в них на основе Всемирных обследований Института Гэллапа, проводившихся в 140 странах ежегодно в период с 2006 по 2018 год, а также данные о частоте возникновения эпидемий за период с 1970 года, представленные в Международной базе данных о чрезвычайных ситуациях, поддерживаемой ресурсами неправительственной организации EM-DAT. Поскольку период выборки заканчивается в 2018 году, он не включает период пандемии COVID-19. Однако ряд критериев подтверждает внешнюю достоверность результатов нашего анализа.

Наш анализ показывает, что воздействие эпидемий, в частности, в период восприимчивого возраста, надолго формирует уровни доверия к государственным органам, выборам и лидерам. Чтобы прийти к этому выводу, мы рассмотрели вопрос о том, демонстрируют ли когорты лиц, переживших эпидемию в период восприимчивого возраста, более низкий уровень доверия к проводимой политике по сравнению с другими когортами, опрошенными в *той же стране* и в *том же году*,

при одновременном учете целого ряда других социальных, экономических и личностных характеристик.

Воздействие эпидемий существенно: среди лиц, испытавших значительное воздействие эпидемии на этапе восприимчивого возраста, по сравнению с теми, кто не подвергался такому воздействию, вероятность доверия к государственным органам на 5,1 процентного пункта ниже, вероятность уверенности в честности выборов на 7,2 процентного пункта ниже, а вероятность одобрения деятельности национального лидера на 6,2 процентного пункта ниже (при условии, что средние значения этих переменных составляют 50 процентов, 51 процент и 51 процент соответственно).

Удивление вызывает то, что среди лиц, которые к моменту начала эпидемии еще не достигли восприимчивого возраста или уже из него вышли, аналогичный эффект не прослеживается. Этот эффект лишь постепенно ослабевает по мере взросления человека, пережившего эпидемию. В среднем он сохраняется в течение почти двух десятилетий.

Важная роль ответных мер политики в области здравоохранения

Более того, этот эффект характерен для политических институтов и лидеров. Мы не обнаружили аналогичного воздействия на другие общественные институты, такие как полиция, армия, банки и финансовые учреждения. Важным исключением является связь между воздействием эпидемий на лиц восприимчивого возраста и уровнем их доверия к системе здравоохранения своей страны; здесь мы также обнаружили выраженный отрицательный эффект. Это свидетельствует о том, что потеря доверия к политическим институтам связана с качеством ответных мер правительства в области здравоохранения в связи с угрозой здоровью населения.

Государства со слабой правовой системой, ограниченной сплоченностью и поддержкой населения, как правило, в наименьшей степени способны эффективно реагировать на эпидемии. Мы подтвердили этот факт, сравнив ответные меры стран в связи с COVID-19. Данные за 2020 год подтверждают, что более слабые правительства позднее отреагировали на возникновение чрезвычайной ситуации посредством первых мер нефармацевтического характера. Если такие правительства действительно часто не оправдывают ожидания своих избирателей, можно было бы ожидать, что негативное воздействие на доверие будет наиболее сильным в случаях, когда правительство, находящееся у власти в период эпидемии, является слабым и нестабильным при прочих равных условиях. Действительно, мы обнаружили, что воздействие эпидемии на доверие в два раза сильнее в случае возникновения эпидемии при слабом правительстве.

Наконец, мы можем продемонстрировать, что наибольшее воздействие на доверие молодых людей к госу-

дарственным органам отмечается среди лиц, проживающих в демократических странах. Этот результат остается неизменным при учете таких характеристик стран, как уровень дохода, и широкого спектра личностных и семейных параметров. Это объясняется тем, что молодые люди ожидают, что демократически избранные правительства будут реагировать на их нужды, и разочаровываются, когда такие правительства не предпринимают мер для предотвращения или сдерживания эпидемий. Кроме того, демократическим правительствам может быть сложнее сохранять последовательную линию в информировании населения. Поскольку такие системы власти являются открытыми, они могут допускать какофонию противоречивых мнений должностных лиц, которая приводит к дополнительному размыванию уверенности и доверия.

Доверие к ученым

Мы использовали тот же сравнительный подход и результаты обследования Wellcome Trust 2018 года, в котором приняли участие примерно 75 000 человек из 138 стран, чтобы проанализировать влияние эпидемий на доверие к науке и научным работникам. Результаты анализа вновь указывают на долговременный негативный эффект эпидемий на доверие, который, как и прежде, характерен именно для молодежи. Лица, пережившие эпидемию в возрасте от 18 до 25 лет, значительно меньше доверяют ученым и верят в пользу их работы по сравнению с сопоставимыми группами населения, не подвергшимися такому воздействию на соответствующем этапе жизни. Лица, подвергшиеся наибольшему воздействию эпидемий в период восприимчивого возраста, в среднем на 11 процентных пунктов меньше доверяют ученым, чем те, кто не подвергался такому воздействию. Среди лиц, которые ко времени возникновения эпидемии не достигли или вышли из этого возраста, такого изменения в доверии не наблюдается.

Можно также провести различие между респондентами, получившими знания о науке только в начальной школе, и респондентами, чье естественно-научное образование продолжалось по крайней мере до окончания средней школы. При этом мы обнаружили, что снижение доверия происходит в основном среди лиц с меньшей подготовкой по предметам, связанным с естественными науками.

Снижение доверия среди молодежи, вызванное эпидемией, также отражается на негативном отношении к вакцинации. Оно влияет как на фактическое поведение, так и на убеждения. В частности, анализ ответов обследования показывает, что опыт эпидемии, пережитый в период восприимчивого возраста, снижает вероятность того, что граждане будут проводить вакцинацию своих детей от детских болезней.

Выводы

С одной стороны, эти результаты вызывают озабоченность. Известно, что доверие к государственным орга-

Когда вспышка инфекционного заболевания снижает доверие к государственным органам и ученым, возникает угроза формирования порочной спирали.

нам и научным экспертам имеет большое значение для общественного принятия рекомендаций и мер политики. В частности, как показывает недавний опыт, доверие играло важную роль в принятии рекомендаций и мер политики по снижению распространения и последствий COVID-19. Однако когда вспышка инфекционного заболевания снижает доверие к государственным органам и ученым, возникает угроза формирования порочной спирали, при которой снижение доверия вследствие вспышки эпидемии в свою очередь дополнительно затрудняет сдерживание распространения этой и последующих эпидемий.

Разумеется, эти эффекты могут быть характерны не только для сферы общественного здравоохранения. Другие исследования показывают, что доверие является важным фактором, определяющим реакцию общества на такие стихийные бедствия, как землетрясения и наводнения. Это говорит о том, что доверие является фактором долгосрочного экономического развития. Однако в случаях, когда вспышка заболевания снижает доверие среди молодежи, это, в свою очередь, может ослабить и задержать реагирование общества на другие чрезвычайные ситуации и создать препятствия для экономического развития. Поскольку эти изменения в убеждениях носят устойчивый характер, а сегодняшняя молодежь — это завтрашние взрослые, преодолеть эти препятствия становится еще сложнее.

Однако не все потеряно. Как отмечалось выше, наиболее уязвимыми к подрыву доверия являются те государства, которые не предпринимают достаточных мер в ответ на чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения. Следовательно, государства, осознающие риск эпидемий и заранее наращивающие потенциал реагирования своей системы общественного здравоохранения, будут менее подвержены этой проблеме. Успех мер реагирования на COVID-19 в некоторых странах Африки отчасти можно объяснить их инвестициями в этот потенциал по итогам предыдущих чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения, таких как ТРС и ВИЧ. При этом, когда речь идет о доверии к науке и ученым, может быть полезным естественно-научное образование.

Кроме того, результаты нашего анализа свидетельствуют о важных различиях в том, как молодые люди, оказавшись под воздействием эпидемии, пересматривают свои взгляды на науку и ученых. Несмотря на негативное изменение убеждений о честности ученых, достоверности их выводов и пользе их работы для общества, убеждения о науке как области деятельности (верят ли граждане в науку как сферу деятельности и в то,

что наука и технологии помогут улучшить жизнь) остаются неизменными. Эти различия согласуются с выводами публикаций по психологии и когнитивистике о том, как люди распределяют вину в сложных, критически важных социальных ситуациях, и с тенденцией возлагать вину на отдельных людей, а не институты. Они также согласуются с отмечавшейся в период пандемии COVID-19 тенденцией, при которой политические деятели и обозреватели ставят под сомнение ценность рекомендаций отдельных ученых по вопросам государственной политики, в то же время стремясь мобилизовать все имеющиеся научные ресурсы для разработки вакцины.

Таким образом, возможно, эта проблема, как и ее решение, связана с тем, как ученые себя позиционируют и информируют общественность о результатах своей деятельности. Граждан беспокоит то, что ученые, движимые личными интересами и имеющие человеческие слабости, могут подвергаться ненадлежащему влиянию интересов государства и корпораций. Их может волновать то, что выводы ученых основаны на личных убеждениях, а не на достоверных фактах. Обследования показывают, что значительная часть респондентов воспринимает разногласия между учеными, часто возникающие в условиях быстро развивающейся пандемии, как свидетельство того, что их выводы основаны на личных убеждениях, или как сигнал о том, что эти специалисты недостаточно компетентны.

В связи с этим важно устранить опасения по поводу интересов корпораций и личной предвзятости. Ученые должны объяснить, что разногласия и новые данные, противоречащие выводам прошлых исследований, являются частью процесса, в ходе которого достигается прогресс в научной деятельности. Ответные меры государственной политики на пандемию COVID-19 подчеркивают важность эффективной коммуникации. Согласно результатам нашего анализа, очень важно адаптировать методы информирования общественности к проблемам молодежи восприимчивого возраста в целях укрепления доверия, с тем чтобы общество могло подготовиться к будущим пандемиям и другим чрезвычайным ситуациям. **ФР**

ДЖЕВАТ АКСОЙ — ведущий экономист Европейского банка реконструкции и развития в Лондоне и доцент экономики факультета политической экономии Королевского колледжа Лондона. **БАРРИ АЙКЕНГРИН** — профессор-стипендиат фонда Джорджа К. Парди и Элен Н. Парди и заслуженный профессор экономики и политологии Калифорнийского университета в Беркли. **ОРКУН САКА** — доцент экономики Лондонского городского университета.

Чему
пандемия
научила

учителей

Творческий подход к дистанционному обучению может восполнить потери в учебном процессе в периоды закрытия школ

Ноам Ангрис

Пандемия COVID-19 стала историческим потрясением для системы образования. Во многих странах с низким и средним уровнем доходов она привела к значительному падению уровня образования.

Еще до пандемии преподаватели говорили о глобальном «образовательном кризисе». Например, по данным региональной программы оценки качества образования Uwezo, в Кении, Танзании и Уганде три четверти учеников 3 класса не могут прочитать такое предложение, как «Собаку зовут Щенок».

Охват школьным образованием увеличился до рекордно высоких уровней. Согласно аналитическим данным из 164 стран, в 2010 году средний взрослый человек учился 7,6 года, что более чем в два раза выше среднего показателя 1950 года в 3,2 года. В последние десять лет охват начальным образованием в странах Африки к югу от Сахары расширился с 80 процентов до 92,3 процента. Однако во многих странах значительного повышения уровня образования не отмечалось (см. рис. 1).

Пандемия COVID-19 еще больше затормозила прогресс в образовании. В разгар пандемии более 1,6 млрд детей в 180 странах «выпали» из учебного процесса. Судя по прошлому опыту нарушений учебного процесса, издержки от них с большой вероятностью оказываются значительными и имеют долгосрочные последствия. Например, в 2005 году из-за землетрясения в Пакистане занятия прервались на 14 недель. Четыре года спустя, согласно исследованию, опубликованному в журнале *Journal of Human Resources* (Andrabi, Daniels, and Das, 2021), дети, наиболее пострадавшие от этого землетрясения, показали значительно более низкий уровень знаний. В некоторых странах, например Сьерра-Леоне, школы в период COVID-19 закрылись на те же 14 недель, но во многих случаях закрытие школ было гораздо продолжительнее. В Уганде и на Филиппинах перерывы в работе школ продлились почти целых два года.

Несмотря на то что многие правительства запустили масштабные программы дистанционного образования, такие как кампании на радио и телевидении, появляются свидетельства, указывающие на то, что за время пандемии произошли значительные потери в образовательном процессе. Например, исследование в Бразилии, Индии, Нидерландах и Южной Африке обнаружило, что потери в образовательном процессе были настолько велики, что за период закрытия школ, как представляется, было освоено крайне мало материала. Ряд случайных оценок, проведенных в Кении и Сьерра-Леоне, показал незначительный эффект различных мер по организации дистанционного обучения.

Однако не все виды дистанционного обучения оказались неэффективными. В проведенном в Ботсване эксперименте еженедельные рассылки текстовых сообщений в сочетании с консультациями по телефону для родителей и их детей, обучающихся в начальной школе, способствовали повышению успеваемости (см. рис. 2). Программа охватывала основы

арифметики и состояла из еженедельных 20-минутных занятий на протяжении восьми недель. Ее результаты обеспечили некоторые из первых экспериментальных данных за время пандемии о методах сокращения потерь в сфере образования. Эта мера оказалась не только действенной, но также дешевой и рентабельной, обеспечив результаты, эквивалентные более чем одному году качественного образования на каждые потраченные 100 долларов США. Использование только текстовых сообщений оказалось неэффективным, крайне важным был некоторый уровень живых непосредственных объяснений по телефону.

Эксперимент в Ботсване показал, что занятия по телефону с учетом уровня знаний учеников улучшили понимание учащимися начальной школы математических понятий в период закрытия школ во время пандемии.

Одной из причин эффективности метода дистанционного обучения по телефону в Ботсване был широкий доступ населения к дешевой мобильной связи. В странах с низким и средним уровнем доходов от 70 до 90 процентов домашних хозяйств имеют как минимум один сотовый телефон, при этом доступ в интернет имеет всего от 15 до 60 процентов семей. Использование технологий, для которых требуется доступ в интернет, может оказаться неэффективным во многих регионах с низким и средним уровнем доходов. Низкотехнологичные методы позволяют охватить наименее обеспеченные слои населения в широких масштабах.

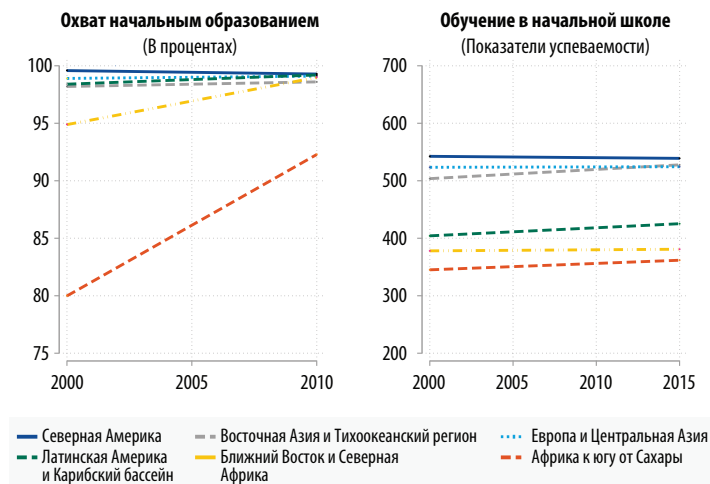
Еще одна причина успеха примененного в Ботсване подхода — индивидуальный и целевой характер обучения с учетом уровня знаний каждого ребенка, а не ориентация на единую для всех учебную программу. В конце каждого урока еженедельно давалось задание для оценки уровня знаний учеников, например их способности складывать однозначные числа (4+5). Если у них получалось, преподаватель переходил к более сложной теме, например вычитанию (7-3). Если они не справлялись, преподаватель продолжал объяснять тему сложения. Этот подход построен на основе широкого набора научных работ, которые показывают, что формирование объяснений с учетом уровня знаний ребенка является одним из наиболее эффективных методов повышения показателей успеваемости.

Для того чтобы понять причину эффективности учета индивидуальных особенностей в обучении, посмотрим на текущее положение дел. Большинство образовательных систем структурировано по классам и следует строгой программе для каждого класса. Например, предполагается, что к пятому классу дети должны освоить деление двузначных чисел. Однако на практике большинство учеников этого не умеют. Например, данные из Ботсваны показывают, что менее 10 процентов пятиклассников освоили деление двузначных чисел. При этом учителя часто все равно преподают материал в соответствии с программой, а ученики переходят в следующий класс вне зависимости от того, усвоили они основные понятия или нет. Обучение, при котором на первое место ставится

Рисунок 1

Доля учащихся и уровень образования

Хотя охват школьным обучением увеличился до рекордно высоких уровней, уровень образования в большинстве стран мира повысился незначительно.

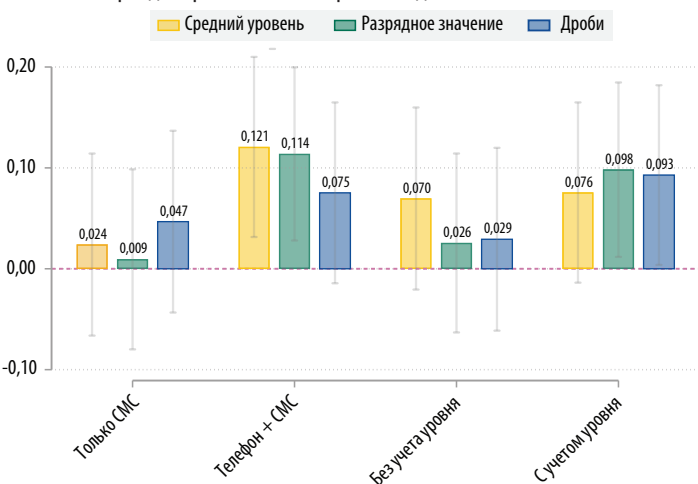
Источник: показатели охвата начальным образованием взяты из работы Lee and Lee (2016). Оценки уровня знаний взяты из базы данных Harmonized Learning Outcomes (Angrist et al., 2021).

Примечание. Показатели успеваемости, показанные на рисунке справа, переводятся в показатель высокой эффективности 625 и показатель низкой эффективности 300 на основе пороговых значений, установленных для оценки успеваемости на международном и региональном уровне. На рисунках представлены средние значения по регионам.

Рисунок 2

Возьмите трубку

Эксперимент в Ботсване показал, что занятия по телефону с учетом уровня знаний улучшили понимание учащимися начальной школы математических понятий в период закрытия школ во время пандемии.

Источник: Angrist, Bergman, and Matsheng (2020).

Примечание. Успеваемость учеников в решении математических задач, включающих разрядные значения и дроби, показана в терминах увеличения стандартного отклонения.

отстают от программы и не могут ее наверстать. В этих условиях оценка уровня знаний, объединение детей по уровню знаний, а не по классам, и обучение с учетом индивидуальных особенностей могут в корне изменить ситуацию.

Конкретная модель этого подхода под названием «обучение на правильном уровне» получила распространение в школах стран Африки к югу от Сахары, а также Индии, где она была предложена образовательной организацией Pratham и прошла оценку Лаборатории по борьбе с бедностью имени Абдула Латифа Джамии (J-PAL) (Banerjee et al., 2017). Адаптация обучения под уровень знаний детей может показаться трудной задачей, но с помощью ряда деталей, таких как частые проверочные работы и набор заданий для каждого уровня, этот метод был адаптирован для более чем 60 млн детей. В Ботсване объединение, в которое входят Министерство базового образования, Министерство молодежного спорта и культурного развития, Агентство США по международному развитию, ЮНИСЕФ, программа Teaching at the Right Level (TaRL) в Африке и одна из крупнейших неправительственных организаций (НПО) в стране Youth Impact, непосредственно перед началом пандемии обеспечило обучение на правильном уровне более чем в 20 процентах начальных школ. (Автор является соучредителем и исполнительным директором организации Youth Impact.)

Когда разразилась пандемия и школы закрылись, Youth Impact переориентировалась в сторону индивидуализированного преподавания основ арифметики с использованием низкотехнологичного метода обучения по мобильному телефону. Крайне важное значение для эффективности метода имели как платформа (мобильные телефоны), так и педагогическая составляющая (целевое обучение с упором на базовую арифметику). В дополнение к формированию целевой программы обучения посредством еженедельных оценок преподаватель проводил с учеником индивидуальные занятия по телефону вместо групповых уроков в классе. Такое взаимодействие в формате один на один обеспечивало еще более целевой характер обучения — инновационный подход, который можно продолжать использовать и после окончания пандемии. Этот метод также находит подтверждение в большом количестве литературы о поразительной эффективности репетиторства. Однако в работах по репетиторству часто изучаются регионы с высокими доходами, а индивидуальные занятия могут стоить дорого. Новые более дешевые модели появились во время пандемии COVID-19 в Италии, где волонтеры из числа студентов университетов бесплатно занимались онлайн с малообеспеченными учениками средней школы, а также в Испании, где учителя математики после уроков предлагали индивидуальные онлайн-занятия. В исследовании по Ботсване пред-

учебная программа, а не уровень знаний, в сочетании с автоматическим переводом в следующий класс, распространено во многих странах с низким и средним уровнем доходов, в результате чего многие ученики

Нам нельзя просто вернуться к прежним методам работы, иначе мы придем к тому, от чего ушли: образовательному кризису.

ставлена модель массового недорогого индивидуального обучения в странах с низким и средним уровнем доходов.

После публикации исследования по Ботсване аналогичные методы были опробованы и показали эффективность в Бангладеш и Непале. Кроме того, в текущем рандомизированном исследовании в пяти странах (Индии, Кении, Непале, на Филиппинах и в Уганде) проверяется возможность адаптации и масштабирования этого подхода в разных условиях. Например, многострановое исследование включает оказание образовательных услуг НПО наравне с преподавателями государственных учебных заведений.

Несмотря на то что пандемия затормозила развитие образования и многие попытки организовать дистанционное обучение на период закрытия школ не увенчались успехом, те варианты, которые оказались эффективными, сочетают прошлый опыт с инновациями, обоснованными в определенных условиях. Случай Ботсваны является одним из таких примеров, который опирается на десятилетия подтверждений обоснованности преподавания на правильном уровне и индивидуального обучения с применением инноваций с учетом положения людей — во время пандемии ситуация серьезно изменилась, поскольку дети находились дома и обучались по телефону, а не сидели в классе.

Руководством к дальнейшим действиям может стать новый пересмотр ранее полученных свидетельств, а также инноваций, опробованных во время пандемии COVID-19 (Angrist, Evans et al., 2020). Всемирная консультативная группа по вопросам образования (независимая научная консультативная группа, созданная Всемирным банком, Министерством иностранных дел и по делам Содружества Соединенного Королевства и ЮНИСЕФ) именно к нему и прибегла в новом докладе «Приоритет образования во время COVID-19. Наиболее эффективные способы заставить детей учиться во время и после пандемии».

В докладе отмечены различные рентабельные подходы к совершенствованию процесса обучения. Самый важный из них — поддерживать работу школ. К числу других реформ относится оценка усвоения материала учащимися в целях предоставления рекомендаций и отслеживания успеваемости, а также обучение на правильном уровне, структурированная педагогика и оказание дополнительной поддержки в учебе, такой как репетиторство. Заслуживающие внимания уроки, усвоенные во время пандемии, включают использование имеющихся технологий, например адаптивного программного обеспечения, для индивидуального обучения при наличии такой инфраструктуры и использование широ-

кодоступного обучения по телефону при ее отсутствии. Другой урок предполагает непосредственное участие родителей в обучении. До пандемии взаимодействие с родителями было больше сосредоточено на их информировании, например через табели успеваемости. Во время пандемии родители стали основными преподавателями, и появляются свидетельства, которые указывают на то, что в некоторых случаях они оказывались весьма продуктивными. Особенно это касается взаимодействия по развитию основных навыков, которое позволяет родителям с низким или средним уровнем образования участвовать в образовательном процессе. Одним из вопросов для рассмотрения при разработке эффективных методик привлечения родителей к оказанию поддержки является обеспечение краткости такого взаимодействия, с тем чтобы добиться их широкой вовлеченности и избежать создания проблем для занятости.

Пандемия COVID-19 оказала разрушительное воздействие на системы образования во всем мире. Несмотря на сокращение возможностей возместить потери в сфере образования, это все еще можно сделать, если оперативно принять меры. Но нам нельзя просто вернуться к прежним методам работы, иначе мы придем к тому, от чего ушли: образовательному кризису. Сейчас самое время критически оценить, что получилось, а что нет, и реформировать системы образования, с тем чтобы всеобщее образование стало приоритетной задачей и стало доступно для всех. **ФР**

НОАМ АНГРИСТ — соучредитель организации Youth Impact и научный сотрудник Оксфордского университета.

Литература:

Andrabi, Tahir, Benjamin Daniels, and Jishnu Das. 2021. "Human Capital Accumulation and Disasters: Evidence from the Pakistan Earthquake of 2005." *Journal of Human Resources* 0520-10887R1.

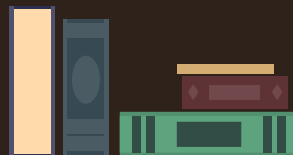
Angrist, Noam, Peter Bergman, and Moitshepi Matsheng. 2020. "School's Out: Experimental Evidence on Limiting Learning Loss Using 'Low-Tech' in a Pandemic." NBER Working Paper 28205, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA.

Angrist, Noam, David K. Evans, Deon Filmer, Rachel Glennerster, F. Halsey Rogers, and Shwetlena Sabarwal. 2020. "How to Improve Education Outcomes Most Efficiently? A Comparison of 150 Interventions Using the New Learning-Adjusted Years of Schooling Metric." World Bank Policy Research Working Paper, Washington, DC.

Angrist, Noam, Simeon Djankov, Pinelopi K. Goldberg, and Harry A. Patrinos. 2021. "Measuring Human Capital Using Global Learning Data." *Nature* 592 (7854): 403–08.

Banerjee, Abhijit, Rukmini Banerji, James Berry, Esther Duflo, Harini Kannan, Shobhini Mukerji, Marc Shotland, and Michael Walton. 2017. "From Proof of Concept to Scalable Policies: Challenges and Solutions, with an Application." *Journal of Economic Perspectives* 31 (4): 73–102.

Lee, Jong-Wha, and Hanol Lee. 2016. "Human Capital in the Long Run." *Journal of Development Economics* 122:147–69.

ПРОБЕЛ

В СФЕРЕ

БАЗОВЫХ

НАВЫКОВ

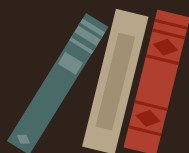
Достигнуть ЦУР невозможно без всеобщих базовых навыков в глобальном масштабе, а эта цель все еще далека

Эрик А. Ханушек и Людгер Вессманн

Целям в области устойчивого развития (ЦУР) Организации Объединенных Наций с момента их принятия в 2015 году уделяется значительное внимание. Но по прошествии половины срока осуществления ЦУР практически отсутствуют признаки того, что эта масштабная программа будет выполнена до 2030 года. Ключевым элементом осуществления семнадцати ЦУР является повышение качества мирового развития, обеспечивающего ресурсы, необходимые для продвижения в достижении этих целей, но существует фундаментальная проблема. Экономическое развитие зависит от квалификации работников в каждом обществе, а это означает, что справедливый доступ к высококачественному

образованию имеет первостепенное значение. На этот счет трудно быть настроенным оптимистично, поскольку дефициты велики, и последние события не повышают шансы на успех.

Исходя из имеющихся данных мы заостряем внимание на трех основных проблемах. Во-первых, различиями в квалификации объясняется три четверти межстрановых расхождений в долгосрочном росте. Во-вторых, мировой дефицит квалификации является огромным, поскольку две трети и более молодежи мира не достигают даже уровней базовых навыков. В-третьих, достижение цели наличия всеобщих базовых навыков в мировом масштабе увеличит будущий мировой ВВП на 700 тран долларов США за оставшуюся часть века.

Успеваемость и рост

Понимание детерминант экономического роста является предметом значительного объема исследований. Наша интерпретация динамики экономического роста и развития очевидна: краткосрочный рост определяется рядом факторов, но в долгосрочной перспективе рост зависит в основном от квалификации людей (Hanushek, Woessmann, 2015). Наряду с этим наш анализ показывает, что соответствующая экономическая квалификация весьма хорошо отображается международными тестами успеваемости учащихся по математике и естественным наукам.

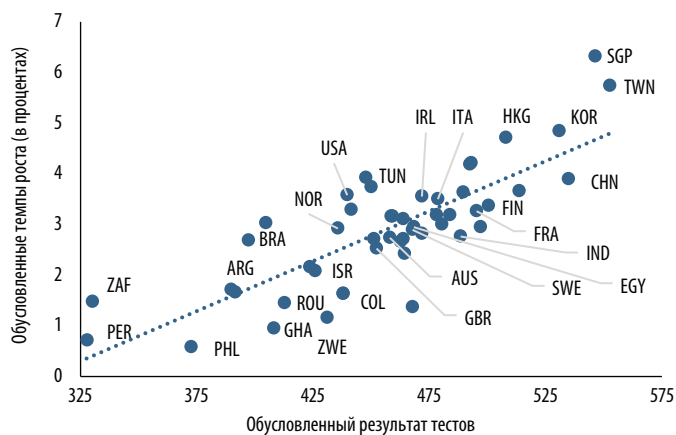
Взаимосвязь между долгосрочным ростом и успеваемостью легче всего увидеть на рисунке 1. Квалификация населения измеряется результатами международных оценок учащихся (например, Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся [PISA], Международного мониторингового исследования качества школьного математического и естественнонаучного образования [TIMSS] и предшествующих им исследований). На графике показан рост ВВП на душу населения в период 1960–2000 годов после исключения расхождения вследствие исходного уровня доходов каждой страны (поскольку имитировать технологии, разработанные в других странах, легче, чем самому разрабатывать инновации). Рост и успеваемость тесно связаны: страны с населением, имеющим высокую успеваемость, росли быстрыми темпами; страны, в которых успеваемость людей отстает, практически не росли. Успеваемостью объясняется три четверти расхождений в темпах роста между странами. Кроме того, продолжительность обучения не влияет на рост после учета фактически изученного материала.

Типичной проблемой такой картины является то, что она может не отображать причинно-следственной связи, поскольку другие факторы могут быть более значимыми и просто коррелируют с успеваемостью. Мы глубоко исследовали другие возможные объяснения (Hanushek, Woessmann, 2015), и, хотя исключить все сомнения невозможно, мы убедительно обосновываем, что повышение успеваемости оказывает мощное влияние на рост. Например, мы обнаруживаем, что вплоть до начала 1980-х годов тесты успеваемости позволяют прогнозировать последующий рост (что исключает наличие простой обратной причинно-следственной связи) и что более высокие расходы (которые могут иметь место благодаря более активному росту) не повышают последовательно успеваемость. Кроме того, при учете лишь части расхождения в успеваемости, обусловленной существованием надлежащих институтов системы школьного образования, таких как действенные меры по обеспечению подотчетности или более широкий выбор школ, мы обнаруживаем ту же связь с более активным ростом, что исключает вариант того, что более высокая успеваемость просто отражает пропущенные факторы, существующие

Рисунок 1

Капитал знаний и экономический рост

Различиями в квалификации людей объясняется большинство различий в долгосрочных темпах роста между странами.

Источник: Hanushek, Woessmann (2015).

Примечание. Связь между ростом реального ВВП на душу населения в 1960–2000 годах и средними результатами международных тестов успеваемости учащихся (средними результатами по математике и естественным наукам в 1964–2003 годах из Международного мониторингового исследования качества школьного математического и естественнонаучного образования, Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся и предшествующих им исследований) с учетом различий в первоначальных уровнях ВВП на душу населения и продолжительности обучения (график добавленных переменных).

вне системы школьного образования. И мы обнаруживаем, что в странах с повышенной успеваемостью с течением времени впоследствии имеют место повышенные темпы роста, что решает проблему потенциальных пропущенных культурных и институциональных факторов.

Мировая картина образования

Отслеживать успех в сфере образования традиционно трудно. Международные тесты успеваемости были впервые разработаны в 1960-х годах, и в настоящее время в их проведении регулярно участвуют все богатые страны, но никогда не участвует большинство бедных стран. Разработана серия параллельных региональных тестов, но они не связаны напрямую с более широкомасштабными международными оценками. И многие страны, в частности, две страны с самым многочисленным населением, не представляют на последовательной основе данные о результатах учащихся.

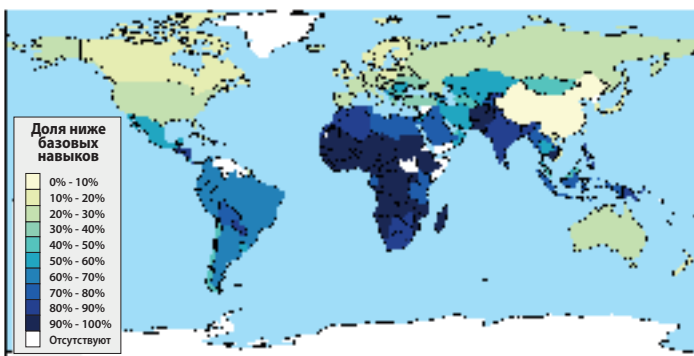
В нашем последнем исследовании мы сводим воедино разные международные и региональные оценки успеваемости учащихся (Gust, Hanushek, Woessmann, готовится к публикации). При том что некоторая неопределенность сохраняется, мы с достаточной точностью характеризуем мировую динамику успеваемости и навыков, что позволяет рассмотреть состояние мира с точки зрения ЦУР.

Мы определяем базовые навыки как навыки, необходимые для продуктивного участия в современной экономике. Из прагматических соображений мы предполагаем, что эти навыки представлены освоением как минимум низшего из шести уровней навыков международного теста PISA, то есть навыками 1-го уровня PISA. На этом уровне учащиеся в состоянии

Рисунок 2

Карта отсутствия базовых навыков в мире

Во многих странах более 90 процентов детей не достигают уровней базовых навыков.

Источник: Gust, Hanushek, Woessmann (готовится к публикации).

Примечание. Оцениваемая доля детей, не достигающих как минимум уровней базовых навыков (эквивалентных 1-му уровню Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся) по математике и естественным наукам.

Экономические выгоды от обеспечения наличия всеобщих базовых навыков

Обеспечение наличия глобальных всеобщих базовых навыков увеличит мировой ВВП на 700 трлн долларов.

	Стоимость реформ (трлн долларов США)	В процентах текущего ВВП
Мир	706	524
по регионам		
Африка к югу от Сахары	124	2 798
Южная Азия	258	2 160
Ближний Восток и Северная Африка	67	886
Латинская Америка и Карибский бассейн	76	749
Европа и Центральная Азия	66	197
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	75	173
Северная Америка	41	177

Источник: Gust, Hanushek, Woessmann (готовится к публикации).

Примечание. Приведенная стоимость будущих увеличений ВВП до 2100 года в результате всеобщего овладения молодыми людьми как минимум базовыми навыками (эквивалентными 1-му уровню Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся).

выполнять очевидные рутинные процедуры в соответствии с непосредственными указаниями, но они не могут делать прямые заключения или надежно применять основные правила для решения простых задач с целыми числами. Такие базовые навыки являются важнейшей основой не только для участия в современном обществе, но и для накопления знаний на протяжении всей жизни, что необходимо в постоянно меняющемся мире.

Картина, возникающая по итогам нашего анализа, вызывает беспокойство. Две трети и более молодых людей мира не достигают минимальных уровней квалификации, требуемых, чтобы конкурировать в международной экономике. Эти дефициты имеют место во всем мире, но наиболее велики в беднейших странах, как показано на рисунке 2.

Проблемы развития, обусловленные глобальными дефицитами базовых навыков, в общем виде представлены шестью упрощенными фактами.

- Как минимум две трети молодежи мира не получают базовых навыков.
- Доля молодых людей, не овладевающих базовыми навыками, превышает половину в 101 стране и в 37 из них составляет более 90 процентов.
- Даже в странах с высокими доходами у четверти молодых людей отсутствуют базовые навыки.
- Дефициты навыков в странах Африки к югу от Сахары достигают 94 процентов, а в странах Южной Азии — 90 процентов, но также составляют 70 процентов в странах Ближнего Востока и Северной Африки и 66 процентов в странах Латинской Америки.
- Пробелы в сфере навыков являются наиболее очевидными в случае трети молодежи мира, не посещающей среднюю школу, но в то же время целых 62 процента учащихся средних школ мира не овладевают базовыми навыками.
- Половина молодых людей мира живет в 35 странах, не участвующих в международном тестировании, что ведет к отсутствию регулярной информации об основных результатах.

Нынешнее состояние успеваемости означает, что для действительно мирового развития требуются существенные изменения в школах, доступных большинству нынешних и будущих учащихся. Недостаточно, чтобы все молодые люди посещали школу (как подчеркивается в ЦУР в сфере образования), поскольку основная проблема заключается в низком качестве образования в большинстве развивающихся стран. Этот тезис не является полной неожиданностью, как видно из обсуждений вопросов политики, предшествовавших принятию ЦУР. Однако безотлагательность этого тезиса усиливается пандемией, которая препятствует сохранению прошлых результатов, не говоря уже о движении вперед.

Экономика достижения ЦУР

Основной целью развития должно быть обеспечение как минимум базовыми навыками всех детей (всеобщее) во всех странах (глобальное). Глобальное всеобщее владение базовыми навыками приведет к значительному увеличению мировых доходов. Люди с более высокой квалификацией будут получать более высокие доходы на протяжении их жизни. Совокупный эффект будет еще более значительным.

Развитые страны и международные организации по оказанию помощи ведут работу по улучшению ситуации в развивающихся странах. В 2020 году в рамках официальной помощи развитию было фактически предоставлено более 161 млрд долларов. Действенность этих усилий часто под-

вергается критике, в основном ввиду эмпирических наблюдений, что процесс развития в целом является медленным.

Мы рассчитали экономическую стоимость устранения дефицитов обучения посредством действий по повышению уровня навыков всей молодежи до базового (см. таблицу). Для этого требуется наличие среднего школьного образования для всех молодых людей, достаточно качественного, чтобы обеспечить их базовыми навыками. С помощью взаимосвязи с ростом, показанной на рисунке 1, мы строим имитационную модель этих усилий, предусматривая время для улучшения школ и не учитывая выгоды, которые будут получены в отдаленном будущем (Gust, Hanushek, Woessmann, готовится к публикации).

Результаты поражают. Как показано в таблице, приведенная стоимость добавленного мирового ВВП, которая будет получена за оставшуюся часть века, составит 700 трлн долларов, или сумму в пять раз больше нынешнего годового мирового ВВП. Этот прирост эквивалентен 11 процентам дисконтированного будущего ВВП за такой же временной горизонт. Влияние на сконцентрированные развивающиеся регионы мира — Африку к югу от Сахары, Южную Азию, Ближний Восток и Северную Африку, а также Латинскую Америку — исчисляется суммами, многократно превышающими их нынешний ВВП.

Очевидно, что достичь таких улучшений в школах будет трудно и что странам потребуется время для ассимиляции новых квалифицированных работников. Но огромные выгоды показывают, что крайне важно уделять внимание созданию первоклассной рабочей силы. Что касается более общей картины, то развитие, обеспеченное образованием, открывает возможности для достижения различных ЦУР.

Новая насущная необходимость

В предыдущей картине рассматривается мир до пандемии. Пандемия изменила результаты обучения нынешних когорт учащихся во всем мире. Потери вследствие закрытия школ и нежелания возвращаться в классы не исчезнут просто в результате восстановления школ до их показателей января 2020 года (Hanushek, Woessmann, 2020).

Но еще хуже то, что, согласно все большему объему данных, потери обучения вследствие пандемии являются несоизмеримо серьезными для малоимущих детей — детей в развивающихся странах и большого числа детей в развивающихся странах. Однако в соответствии с проведенным ранее анализом, наибольшие сбои были отмечены в целом ряде развивающихся стран. В этих регионах не только были закрыты школы в течение более длительных периодов (в Уганде — до рекордных двух лет), но и были более ограниченными варианты замены традиционных очных уроков. Для восста-

новления школ после потерь, связанных с пандемией, школы должны быть лучше, чем они были в начале 2020 года.

Ключевое значение для процесса улучшения школ имеет неуклонный курс на достижение цели политики — повышение успеваемости учащихся. Очевидной панацеи не существует, и действенные меры политики могут различаться в зависимости от условий. Но данные указывают на важность акцента на стимулах в отношении результатов обучения, которые лучше всего обеспечить посредством институциональных структур системы школьного образования. В частности, и это подтверждается фактическими данными, перспективными являются меры политики в сфере образования, которые обеспечивают существование действенных систем подотчетности, содействуют наличию выбора, отводят центральное место квалификации преподавателей и непосредственно вознаграждают за хорошие результаты.

Люди с более высокой квалификацией будут получать более высокие доходы на протяжении их жизни. Совокупный эффект будет еще более значительным.

Наиболее очевидно то, что самые нуждающиеся страны действуют вслепую, не имея информации о своих текущих уровнях успеваемости. Международным организациям по развитию следует ввести регулярный, стандартизированный на международном уровне тест во всех странах глобального Юга с проверенным содержанием, отвечающим нуждам детей, испытывающих трудности с достижением базовых уровней. Такой тест, сопоставимый на глобальном уровне, предоставит разработчикам политики гораздо более полную информацию, с тем чтобы они могли сосредоточить свою энергию и разрабатывать подходящие меры политики, а также знать, добиваются ли они успехов. **ФР**

ЭРИК А. ХАНУШЕК — старший научный сотрудник Гуверовского института при Стэнфордском университете. **ЛЮДГЕР ВЕССМАНН** — профессор экономики Мюнхенского университета, директор Центра ifo по вопросам экономики образования.

Литература:

Gust, Sarah, Eric A. Hanushek, and Ludger Woessmann. Forthcoming. "Global Universal Basic Skills: Current State and Implications for World Development."

Hanushek, Eric A., and Ludger Woessmann. 2015. *The Knowledge Capital of Nations: Education and the Economics of Growth*. Cambridge, MA: MIT Press.

Hanushek, Eric A., and Ludger Woessmann. 2020. *The Economic Impacts of Learning Losses*. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development.

Напряжение в цепочках поставок

Во время пандемии вновь обострились споры по поводу «глобальных сборочных конвейеров» по всему миру

Диего А. Сердиеро и Нильс-Якоб Х. Хансен

С ВАМИ КОГДА-НИБУДЬ СЛУЧАЛОСЬ, что вы пришли в магазин, но вместо нужного вам товара, вас встречали пустые полки? Возможно, это объясняется дестабилизацией цепочек поставок. Как правило, такие цепочки работают бесперебойно и незаметно, снабжая вас необходимыми товарами. Однако когда происходит их сбой, мы все это замечаем. Так что же из себя представляют эти жизненно важные элементы глобальной экономики?

Цепочки поставок — это «сборочный конвейер», поставляющий товары для конечного потребления. Представьте себе компьютер-лэптоп, десктоп, планшет или телефон, на котором вы читаете эту статью. Эти товары были произведены благодаря многочисленным разным факторам производства, которые проходили через сложную цепочку поставок, прежде чем попали к вам в руки в виде готового товара. Этот путь включал в себя разработку товара, поиск исходных материалов, сборку структурных элементов, тестирование готовой продукции и отгрузку готового товара в ваш адрес.

Так вы можете представить себе цепочку поставок как сборочный конвейер, производящий товар, который вы как потребитель готовы приобрести.

Исходное сырье со всего мира

В прошлом цепочки поставок были простыми и не выходили за пределы географических регионов. Производители в стра-

нах изготавливали простые товары, такие как вино, ткань или хлеб. В целом, все сырье для производства такой продукции можно было найти поблизости от того места, где товар потреблялся. Однако в нашей современной экономике цепочки поставок чрезвычайно сложны и предполагают участие многочисленных производителей со всего мира. Представьте себе еще раз ваш телефон. Для его производства потребовался алюминий, добытый в Африке, кремний, извлеченный из недр Южной Америки, и микросхемы, произведенные в Азии. Дизайн, возможно, разработали в Северной Америке, а собрать его могли на заводе в Азии, после чего его доставила европейская транспортная компания.

Сегодня компании получают исходное сырье со всего мира, используя наиболее подходящие компоненты для сборки своей продукции. Такому положению способствовал ряд факторов. Во-первых, стремительное развитие технологий дало возможность компаниям поддерживать непрерывную связь с другими предприятиями на другом конце света и снижать транспортные издержки. Во-вторых, международные соглашения повысили предсказуемость торговли путем упрощения исполнения контрактов и удешевления торговых издержек за счет снижения тарифных и нетарифных барьеров. В-третьих, благодаря структурным реформам упростились условия для инвестиций предприятий в зарубежные производственные мощности.

Такие технологические, институциональные и стратегические шаги позволили предприятиям разделить свои производственные процессы, дав мощный импульс развитию международной торговли факторами производства (так называемой промежуточной продукции). Такие глубинные изменения затронули практически каждую страну, в результате чего как развитые страны, так и государства с развивающейся экономикой стали более активно вовлекаться в глобальные цепочки поставок. Эти изменения наиболее ярко проявились в 1990-е и 2000-е годы, после чего динамика этих процессов немного выровнялась в 2010-е годы.

Нагрузка во время пандемии

Во время острой фазы пандемии предприятия захлестнула масштабная волна закрытий, затронувшая цепочки поставок. Закрытие предприятий, производивших промежуточную продукцию, порождало дефицит на протяжении всего «сборочного конвейера» во всем мире. Предложение товаров становилось ограниченным, тогда как спрос на товары рос темпами, превышавшими тенденции до пандемии: потребители, вынужденные оставаться дома, отказывались от контактоемких услуг (таких как рестораны и путешествия) в пользу товаров, которые давали им возможность работать, учиться и проводить досуг в домашних условиях. Иными словами, пандемия спровоцировала чрезвычайный всплеск спроса на товары, в то время как мировая экономика столкнулась с беспрецедентными сложностями в поставках такой продукции. Пострадали практически все звенья мировых цепочек поставок, а некоторые из них становились неизменной темой обсуждения в СМИ, как например, масштабный дефицит производства полупроводников. Даже в портах возникали «узкие места», влиявшие на мировую торговлю, когда контейнерные суда вынуждены были выстраиваться в очередь, ожидая разгрузки в крупных гаванях.

Таким образом, во время пандемии участие в глобальных цепочках поставок обернулось для стран как издержками, так и выгодами. С одной стороны, такое участие сделало страны уязвимыми к введению самоизоляции и закрытию предприятий в других странах. С другой стороны, оно позволило получать поставки зарубежных товаров, когда национальная экономика испытывала серьезный шок в результате пандемии. В целом, как показывают данные, глобальные цепочки поставок хорошо адаптировались во время пандемии, при этом страны, пострадавшие в сравнительно меньшей степени, смогли компенсировать дефицит производства в странах, испытывавших на себе более серьезное ее воздействие.

Что ждет цепочки поставок в будущем?

Дестабилизация цепочек поставок вследствие пандемии заставила задуматься о важности устойчивости, то есть способности производственно-хозяйственных связей непрерывно функционировать даже в условиях шоков. В послед-

нее время, на фоне резкого распространения штамма «омикрон» и войны в Украине усилилась неопределенность вокруг цепочек поставок. В результате этих событий разработчики экономической политики и предприятия обсуждают ряд вариантов, которые могут изменить контуры цепочек поставок.

- Во-первых, некоторые высказываются в пользу «решоринга» — то есть выхода из глобальных цепочек поставок путем возвращения в страну производства, ранее перенесенного в страну с более низкими издержками производства.
- Во-вторых, некоторые эксперты высказываются в пользу более широкой диверсификации — иными словами, увеличения числа зарубежных поставщиков каждого вида исходного сырья, невзирая на возможное повышение издержек. Это позволит производителям лучше справляться с шоками предложения при условии, что все страны — поставщики сырья не подвергнутся одновременному шоку.
- В-третьих, компании могут принять решение о наращивании излишков товарно-материальных запасов. Более высокий уровень ТМЗ даст возможность предприятиям лучше справляться с временными шоками предложения.

Воздействие обусловленных пандемией потрясений на мировые цепочки поставок еще предстоит урегулировать, однако имеющиеся в настоящий момент экономические данные свидетельствуют не в пользу «решоринга». Стремление к самодостаточности может повлечь за собой снижение эффективности производства, однако, судя по имеющимся данным, устойчивость при этом не повысится. Эта стратегия напоминает подход, при котором все яйца (то есть элементы цепочки поставок) кладутся в одну корзину в виде внутреннего производства. Диверсификация и излишки товарно-материальных запасов — это по сути страховка. Страны и компании должны решить, насколько высокую страховую премию они готовы платить, поскольку привлечение резервных поставщиков или хранение излишков запасов сопряжено с издержками.

Поэтому перед разработчиками государственной политики и предприятиями стоит непростая задача взвесить свои потребности в поддержании устойчивости, с одной стороны, и оценить готовность платить страховую премию, с другой стороны. Оптимальный выбор зависит от конкретных обстоятельств в каждой стране и от приемлемости риска. Так или иначе, споры о глубине интеграции в мировые цепочки поставок, по-видимому, продолжатся. В конечном счете, возможно, именно они будут определять, обнаружите ли вы товары или окажетесь перед пустыми прилавками, придя в магазин в следующий раз. **ФР**

ДИЕГО А. СЕРДИЕРО и **НИЛЬС-ЯКОБ Х. ХАНСЕН** — экономисты Департамента стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Исследовательского департаментов МВФ, соответственно.

Новый энергетический императив

Вторжение России в Украину выводит на первый план кризис и возможности в области энергетического перехода

Гернот Вагнер

ФОТО: KATHARINA ROSSBOTH/DIE PRESSE

ТРУДНО УВИДЕТЬ В ТАКОЙ КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ, как вторжение России в Украину, момент возможностей. Мы, не говоря уже об украинцах, по-прежнему переживаем разгар кризиса, который к тому же усугубляет ранее возникшую кризисную ситуацию и может породить долговременные экономические и политические последствия.

Столь же понятно, что разговоры о «возможностях» являются палкой о двух концах. В наибольшем выигрыше от быстрых политических решений часто оказываются существующие влиятельные круги, что лишь закрепляет сложившееся положение вещей. Примером может служить склонность многих законодателей реагировать на повышение цен

на энергию необоснованными попытками их прямолинейного снижения, что ослабляет возможное влияние высоких цен на стимулы к сокращению использования ископаемых видов топлива.

Доступная энергия

Одно из существенных различий между нынешним подъемом цен на энергию и предыдущими подобными эпизодами заключается в наличии дешевых и доступных альтернатив текущей инфраструктуре, работающей в основном на ископаемом топливе. Международное энергетическое агентство в 2020 году обоснованно заявило, что «для проектов с недорогим финансированием, использующих высококачественные ресурсы, солнечные [фотоэлектрические (ФЭ)] панели теперь являются самым дешевым источником электроэнергии в истории». Это по-прежнему так.

Цены на солнечные ФЭ панели за последние два года возросли, что привело к появлению в финансовом лексиконе термина «зеленая инфляция». Но все же в повестке дня преобладает «инфляция ископаемого топлива». Рост цен на источники энергии, основанные на ископаемом топливе, превысил относительно скромное увеличение цен на солнечные ФЭ панели, в свою очередь еще больше опуская относительные цены солнечных панелей на киловатт мощности и фактически выработанной электроэнергии. В целом цены на эти установки с годами резко снизились — за десятилетие в два раза, за сорок лет в три раза. И, конечно, это относится не только к солнечным ФЭ панелям.

Важно отметить, что цены на аккумуляторные батареи и электромобили (ЭМ) тоже быстро снижались, приводя к бурному росту числа пользователей. В 2016 году в докладе ВР «Перспективы развития энергетики» прогнозировалось, что мир перешагнет рубеж в 70 млн подзаряжаемых от электросети автомобилей в мировом масштабе к 2035 году. Этот показатель теперь представляется достижимым к 2025 году, на десять лет раньше, чем ожидалось в двадцатилетнем прогнозе. Конечно, все подобные цифры показывают, какой большой путь еще предстоит проделать. На долю ФЭ установок приходится порядка 3 процентов мирового рынка, доля ЭМ не достигает и 2 процентов. Даже 70 млн ЭМ составят менее 6 процентов сегодняшнего мирового автопарка, насчитывающего порядка 1,2 млрд автомобилей.

Ни один серьезный анализ, опубликованный до вторжения Владимира Путина в Украину, не предполагал, что Россия может полностью прекратить поставки газа Европейскому союзу.

Ни ФЭ установки, ни ЭМ не сыграют заметной роли в решении проблем, которые создала текущая война, тесно связанная с использованием ископаемого топлива. Краткосрочные меры, призванные разорвать зависимость ЕС от российских нефти и газа, должны быть сосредоточены на уменьшении спроса и нахождении альтернатив российским поставкам. Это означает рост добычи нефти и газа в других странах. Это также подразумевает краткосрочные меры, такие как отказ от реализации плана прекращения работы всех атомных электростанций в Германии в декабре 2022 года, и ряд других трудных решений — например, временное увеличение выработки электроэнергии на угле в Европе. (По иронии судьбы изрядная доля угля, используемого в Европейском союзе, также поступает из России, что еще более осложняет эту задачу.)

Оценка риска

Неспровоцированная война, начатая Россией, и реакция на нее мирового сообщества обнажили еще одну, гораздо более фундаментальную проблему — это присущая анализу экономической политики и более широких вопросов энергетической политики ограниченная способность обеспечивать информацию для принятия директивными органами решений при преодолении таких кризисов, как нынешние, особенно когда один кризис накладывается на другой.

Прежде всего, ни один серьезный анализ, опубликованный до вторжения российского президента Владимира Путина в Украину, даже не предполагал, что Россия может полностью прекратить поставки газа Европейскому союзу. Сознательный отказ ЕС от импорта российского газа представлялся практически невозможным. Например, Европейская сеть операторов газотранспортных систем (ЕСОГС), отвечающая за стресс-тестирование европейской газораспределительной сети, никогда даже не рассматривала такую возможность. Последний стресс-тест ЕСОГС оценивает возможные последствия прекращения транспортировки российского газа или через Беларусь, или через Украину. Полное отсутствие поставок российского газа не входило в набор моделируемых сценариев. Сама идея казалась невообразимой или настолько радикальной, что не вязалась ни с какими стресс-тестами. Стресс на систему попросту оказался бы слишком велик.

Прежние экономические модели тоже были ограниченными. Широко цитируемый анализ экономистов Европейского центрального банка имел многообещающее название «Зависимость от природного газа и риски для экономической активности зоны евро». Его главный вывод: шок поставок газа на 10 процентов приведет к сокращению ВВП зоны евро на 0,7 процента. Какой сектор пострадает больше всех? Электро-, газо-, пароснабжение и кондиционирование воздуха — сектор, наиболее зависимый от природного газа как прямого производственного ресурса. Следовательно, выпуск сектора сократится почти на 10 процентов из-за 10-процентного шока поставок газа. На первый взгляд, этот вывод кажется разумным. Методология, опирающаяся на стандартные методы оценки затрат и выпуска, является общепризнанной. Проблема заключается в статичности анализа и связанного с этим уклона в сторону статус-кво.

Выгоды и издержки

Тепловые насосы представляют собой одну из наиболее многообещающих низкоуглеродных энергетических технологий. Они заменяют нефтегазовое котельное оборудование и намного превосходят его по эффективности. В сущности, тепловые насосы настолько эффективны, что даже если бы вся электроэнергия вырабатывалась за счет природного газа, итоговые выбросы все равно оказались бы ниже, чем если бы природный газ сжигался непосредственно в бытовом газовом котле. Кроме того, тепловые насосы — это по существу кондиционеры наоборот. Почему же тогда сектор кондиционирования воздуха должен пострадать в сценарии сокращения поставок газа? Спрос на тепловые насосы резко увеличится, что уже можно наблюдать по всей Европе, где нарушение цепи поставок усугубляет инфляционное давление.

Это не означает, что отказ от российского газа так или иначе предвещает экономический подъем. Напротив, он сопряжен с реальными издержками. Перемены тяжелы. Но в издержках также кроются и возможности. В докладе компании McKinsey о переходе к углеродной нейтральности есть интересный подзаголовок — «Во что это обойдется, что это даст». В общих чертах, их анализ показывает, что потребуются затраты порядка 25 триллионов долларов США за 30 лет, чтобы перевести мировую экономику с текущей траектории на путь достижения нулевого уровня выбросов углерода к середине столетия.

Политические деятели зачастую более заинтересованы в сохранении существующего порядка, чем в инициировании необходимых перемен.

Выяснение того, кто должен заплатить за эти инвестиции в размере 25 триллионов долларов США, вызовет тяжелые политические баталии. Но очень многие выиграют от этих дополнительных инвестиций, в том числе в чисто экономическом смысле. Если оценивать эти инвестиции с точки зрения общественной пользы, то они многократно окупятся, учитывая, что использование энергии ископаемого топлива приносит больше ущерба от внешних эффектов, чем добавляет стоимости к ВВП.

Таким образом, все упирается в меры политики. Самое главное: истинный переход к углеродной нейтральности предполагает как быстрое развертывание новых низкоуглеродных технологий, так и более значимые системные изменения. Война в Украине уже обнаружила множество упущенных возможно-

стей на стороне мер политики. Политические деятели зачастую более заинтересованы в сохранении существующего порядка, чем в инициировании необходимых перемен, по той самой причине, о которой писал Никколо Макиавелли пять столетий назад: «Иноватор встречает врагов во всех тех, кому жилось хорошо при прежних порядках, и приобретает только очень робких сторонников в тех, чье положение должно при этих нововведениях улучшиться». **ФР**

ГЕРНОТ ВАГНЕР — в настоящее время приглашенный адъюнкт-профессор в Школе бизнеса Колумбийского университета на время отпуска, предоставленного Нью-Йоркским университетом, где он преподает климатическую экономику и политику.

Война, мир и пшеница

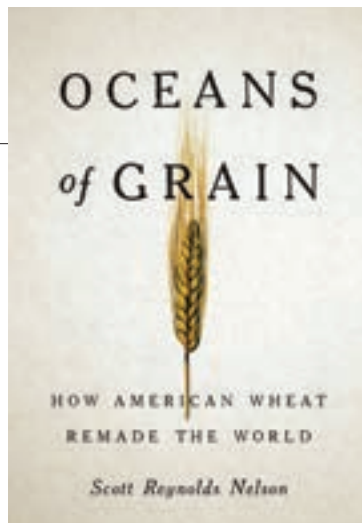
ЭТОТ УБЕДИТЕЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ о том, что пшеница играет ключевую роль в расцвете и падении империй, был опубликован за два дня до того, как в результате вторжения России в Украину цены на зерно взлетели до небывалого уровня, разжигая опасения по поводу его предложения.

Война и голод — главные темы, пронизывающие историческое повествование Скотта Рейнолдса Нельсона о том, как пшеница кормит весь мир. Рассказ начинается с 2011 года, когда Нельсон впервые посетил Одессу с научным визитом, который совпал по времени с хлебными бунтами, спровоцированными Арабскую весну, в результате которой были свергнуты правительства в странах от Туниса до Египта. Затем повествование переносится на 12 тысяч лет назад к зарождению житницы Европы — сегодняшних Украины и России, и к древним зерновым торговым путям, которые впоследствии стали каналами снабжения городов и армий континента.

Пятая книга профессора гуманитарных наук Университета Джорджии, густо замешанная на истории, политике и экономике, тем не менее, читается легко и увлекательно, рассказывая о многовековой истории зерна. История его хранения и поставок, тянущаяся от Афин, Константинополя и Москвы до основания черноморского порта Одессы, переплетается с другими вехами, такими как введение первых карантинных мер, изобретение гамбургеров и начало коммерческой инвестиционной банковской деятельности.

Эта сфера вбирала в себя трудовые ресурсы и капитал в городах с дешевым продовольствием и глубоководными портами. Далее повествуется об иммиграции, индустриализации и урбанизации, которые привели к удвоению численности населения Лондона, Парижа и Амстердама в период с 1845 по 1860 годы. В 1860-е годы в США происходит подъем: на фоне Гражданской войны ускоренно наращивается экспорт зерна для получения необходимой иностранной валюты, чтобы бороться с сепаратистами на юге, а усилия армии Союза по обеспечению продовольствием солдат и лошадей помогают заложить основу современных фьючерсных рынков на Чикагской товарной бирже.

Эти новые финансовые инструменты помогли создать более глобальный рынок продовольствия. Так, поставки из США стремительно росли, при этом в Европу направлялись тысячи судов, наводнявших ее зерном и переправлявших обратно через Атлантику миллионы иммигрантов. Между тем время в пути между портами мира сокращалось, благодаря применению взрывчатых веществ, необходимых для углубления портовой акватории, создания каналов и строительства железных дорог. Это помогло положить конец господству России в мировой торговле зерном, обеспечив города Европы более дешевым продовольствием. Нельсон далее утверждает, что большинство ученых не признают, насколько важную роль в подъеме Германии и Италии, в падении империй в Австрии и Турции, а также

Scott Reynolds Nelson

Oceans of Grain: How American Wheat Remade the World

Basic Books,
New York, NY, 2022, 368 pp., \$18.99

в имперских амбициях Европы в сущности сыграло недорогое иностранное зерно.

Эта книга — история финансов, а ее самые яркие эпизоды описывают хронологию того, как международные рынки биржевых товаров становятся все более неразрывно связаны друг с другом, а связующим звеном выступает зерно. Нельсон, заявляющий на первой странице о своем неотступном интересе к панике 1873 года, прослеживает, как аграрный кризис перерос в панику на финансовом рынке, спровоцировав спад в экономике из-за снижения цен на продовольствие, а устаревшие

Повествование переносится на 12 тысяч лет назад к зарождению житницы Европы — сегодняшних Украины и России.

финансовые инструменты привели к краху европейских банков, к шоку, связанному с изменением процентной ставки Банком Англии, и к кризису на Уолл-стрит.

«Зерно наводило Европу, в то время как эпоха изобилия в Одессе и в большей части центральной Европы ушла в прошлое, вызвав волну потрясений во всем мире», — пишет Нельсон.

Рассказ заканчивается событиями столетней давности, сразу после революции в России, но воспринимается так же целостно и современно, поскольку заставляет читателей рассуждать, скорее, с позиции торговцев зерном, воспринимая мир не через призму нанесенных на карту стран, а, скорее, в контексте важнейших каналов поставок нашего продовольствия через океаны, реки и порты, через которые и течет настоящая история. **ФР**

ДЖЕФФ КЕРНС — штатный сотрудник журнала «Финансы и развитие».

Поддержка творцов

NFT открыли для художников из развивающихся стран новый мир с возможностью заработка

Аналиса Р. Бала

РИЧ АЛЛЕЛА, как и многие другие художники, вынужден был в корне сменить деятельность вследствие пандемии. Доходы фотографа, работающего в Найроби, быстро истощились за время режима частичной самоизоляции в Кении в 2020 году. Он пробовал альтернативные способы заработка — партнерский маркетинг, видео на YouTube. Ничего не выходило. Потом друг рассказал ему о невзаимозаменяемых токенах (NFT). «Это в корне все изменило, — говорит Аллела. — Я смог снова обрести свободу творчества без необходимости постоянно думать о заработке и об оплате счетов».

В отличие от физических денег и криптовалют NFT не являются взаимозаменяемыми. Они подобны физическим предметам коллекционирования, таким как произведения искусства, видеозаписи, музыка и встроенные покупки, но только в цифровой форме. И они взяли штурмом мир искусства и коллекционирования. Криптомиллионеры, имеющие счет на платформе Ethereum, теперь могут инвестировать напрямую в NFT, сохраняя деньги в экосистеме криптовалюты. Этому буму способствовали быстрый рост цен и перспектива большой доходности.

Согласно отчету компании по анализу данных по операциям с NFT Nonfungible.com, в прошлом году оборот торговли NFT достиг 17,6 млрд долларов США. По данным ком-

пании Chainalysis, эта цифра составляет более 40 млрд долларов США.

Цены могут быть ошеломляющими. Один из объектов коллекции «Криптопанки» (CryptoPunks) компании Larva Labs, которая включает 10 000 уникальным образом сгенерированных персонажей панков, придуманных двумя творческими разработчиками, в прошлом году был продан за баснословные 23,7 млн долларов США исполнительному директору Chain, технологической компании на основе блокчейн. «Криптопанков», с которыми обычно связывают начало помешательства на NFT, изначально мог бесплатно получить любой владелец цифрового кошелька Ethereum. Всего четыре года спустя самый дешевый из доступных аватаров стоит 60,95 эфириумов (примерно 128 000 долларов США по состоянию на 14 мая).

Однако среди творческих людей вроде Аллелы рост популярности NFT связан с тем, что с их помощью решается давняя проблема — как монетизировать цифровое творчество. Для художников, фотографов, мультипликаторов и других творцов открываются возможности, сулящие огромный доход, особенно в развивающихся странах, где создатели контента раньше с трудом могли продвигать и продавать свои произведения на традиционном рынке предметов искусства, оцениваемом в миллиарды долларов.

Встряска для мира искусства

Когда люди создают или «чеканят» NFT, они выполняют код, хранящийся в смарт-контактах, который присваивает авторство по уникальному идентификационному номеру и метаданным. Поскольку эта информация записывается в блокчейне (открытом распределенном реестре), авторство можно легко проверить. Так что хотя NFT можно легко скопировать или подделать, право собственности на метаданные, связанные с этой работой, нельзя. Это крайне важный аспект.

До появления блокчейна цифровые художники с трудом могли доказать, что они являются подлинными создателями работы. С приходом NFT ситуация изменилась, в корне перестроив бизнес-модель коммерческих галерей, которые традиционно получали львиную долю прибыли на рынке искусства. Художники продают свои работы напрямую онлайн, как правило, через такие торговые площадки, как OpenSea или Nifty Gateway, избавляясь от необходимости в участии дилера. Вместо того чтобы жертвовать ощутимые 40–50 процентов владельцу галереи, они платят небольшую комиссию за операцию.

Важно отметить, что, в отличие от традиционного мира искусства, перепродажи здесь широко распространены. Будучи табу в отрасли, перепродажа предметов искусства обычно пресекается посредством проверок галереями коллекционеров

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ОСИНАЧИ.

Ведущий нигерийский криптохудожник Осиначи был одним из первых художников Африки, добившихся больших успехов в области цифрового искусства.

Экспозиция NFT в виртуальном криптомузее, находящемся в метавселенной (виртуальной или дополненной реальности, доступной с помощью специальных очков, игровых приставок и прочих приспособлений).

и дилеров. Однако в случае NFT любой может их купить, часто анонимно, стимулируя инвесторов оперативно выгодно перепродавать объекты, а не хранить их, как поступили бы настоящие коллекционеры.

Осиначи, самый высокооплачиваемый цифровой художник Нигерии, который создает свои работы, используя Microsoft Word, считает, что это не так уж плохо. «В традиционном мире искусства художник чаще всего даже не знает о смене владельца своей работы, — говорит он. — Но в мире NFT ты получаешь роялти в режиме реального времени, когда люди перепродают объекты».

NFT позволяют художникам получать долю с любых продаж в будущем, обеспечивая некоторую степень финансовой безопасности, которой не обладает большинство традиционных художников. Когда художники продают свои работы через блокчейн, они подписывают самовыполняющийся контракт с покупателем, который обеспечивает им роялти (часто от 10 до 30 процентов). Для художников «это действительно много значит, — говорит Осиначи. — Даже после вашей смерти, если кто-то из родственников имеет доступ к вашему кошельку, они получают роялти, которые поступают за вашу работу».

Однако NFT не лишены и сложностей. Криптоиндустрия наносит катастрофический ущерб окружающей среде, и в ней широко распространены мошеннические схемы. Самой известной является «выдергивание коврика» (rug pull): создатели быстро обналчиывают средства после запуска, как представляется, правомерного проекта, а затем скрываются с деньгами инвесторов. Согласно докладу компании Chainalysis, в прошлом году инвесторы в криптовалюту лишились более 2,8 млрд долларов США из-за практики «выдергивания коврика».

NFT позволяют художникам получать долю с любых продаж в будущем, обеспечивая некоторую степень финансовой безопасности, которой не обладает большинство традиционных художников.

Киберпреступления также несут реальные риски, от завладения данными счетов до фальсификации торговых площадок.

Аллела был обеспокоен вопросами безопасности, когда чеканил свою первую работу, и советует тем, кто собирается выйти на этот рынок, как следует его изучить и найти единомышленников. Он считает, что в сфере NFT до сих пор слишком мало художников из Африки — препятствие создают ее комплексность, трудности с раскруткой и «плата за газ» (стоимость транзакции в блокчейне). Однако он не теряет оптимизма и имеет большие планы на будущее. Кроме перевода своей работы в цифровой формат, он управляет компанией, которая сотрудничает со 157 художниками из разных стран Африки, с тем чтобы, как он говорит, «произвести переворот в африканском цифровом пространстве». «В этом году мы готовимся получить с продаж 2–5 млн долларов США. Просто чтобы показать людям, что это возможно». **ФР**

АНАЛИСА Р. БАЛА — сотрудник журнала «Финансы и развитие».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД

Дополнительная информация о новых изданиях по вопросам мировой экономики представлена в последнем каталоге публикаций МВФ.

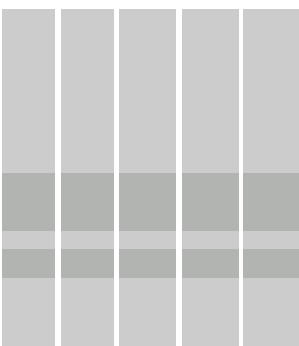
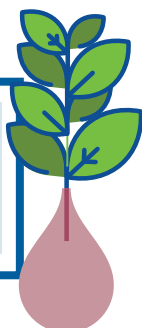
Укажите код **Spring 22** для получения **скидки 25%** при заказе на сайте bookstore.IMF.org.

ПУБЛИКАЦИИ МВФ

Весна – лето 2022 года

IMF.org/pubs

IMF.org/pubs

Russian
Finance & Development, June 2022

MFIRA2022002